

Ян Грабовский

и

РЕКСЯ
ПУЦЕК

Детизиз · 1958

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Ян Грабовский

РЕКСЯ И ПУЦЕК

Рисунки В. Лосина

*Перевод с польского
Б. Заходера*

**Государственное Издательство Детской Литературы
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1958**

Ско́лько на све́те книг про зве́рей и птиц! И чуде́сные сказа́ны про Куму́ Лису́ и Бра́тца Кро́лика, про Се́рого Во́лка и Жа́р-птицу, и ба́сни, и сказа́ны, и пове́сти и да́же рома́ны — все́го и не пере́чешь. Кажется поро́й — ну что е́щё мо́жно сказа́ть но́вого о живото́ных? Да тем бо́лее не о львах и сло́нах, обита́телях дале́ких, тайственны́х стран, не о ска́зочны́х чуде́шищах, а о са́мых обыкнове́нных соба́ках и коша́ках, ку́рах и гуся́х! Что про них расска́жешь интере́сного?

Ока́зывается, оче́нь мно́го!

Слы́хали вы, наприме́р, что́бы овца́ почти́ преврати́лась в соба́ку и да́же выучи́лась ла́ять на прохо́жих? Или о том, что́бы гуся́ня, обы́чная гуся́ня, служи́ла сто́рожем?

Наве́рно, не слы́хали.

А вот по́льский писа́тель Ян Грабо́вский познако́мит вас с ними. И не то́лько с ними. Обо всех сво́их мохна́тых и перна́тых геро́ях Грабо́вский зна́ет такие интере́сные исто́рии, что начне́шь чита́ть — и не оторве́шься.

«Отку́да он все́ э́то зна́ет? — спроби́те вы. — В че́м его́ секрети́?»

Есть у Яна Грабо́вского повесть-ска́зка, кото́рая называ́ется так: «Соверше́нно ручно́й челове́к». Э́то стра́нное назва́ние, е́сли ве́рить а́втору, придума́ли... воро́бий! Да, да, са́мые обыкнове́нные воро́бий. Э́то он прозва́ли «соверше́нно ручно́м челове́ком» само́го Грабо́вского. А он, писа́тель, то́лько подслу́шал э́ти слова́ — и озагла́вил ими́ свою́ повесть...

Э́то, коне́чно, шу́тка. Но есть в не́й большо́я пра́вда.

Ста́рый по́льский учи́тель и замеча́тельный писа́тель Ян Грабо́вский так люби́л и понима́л живото́ных, с тако́й любовью́ и уваже́нием — и́менно уваже́нием! — относился́ к ним, что они́ дове́рчиво раскрыва́ли ему́ свои́ секреты́. И вполне́ могли́ счита́ть его́ «соверше́нно ручно́м» — он нико́гда не обма́нывал их дове́рия.

Герои́ его́ сказа́зов и повесте́й — озорны́е щеня́та Ре́кся и Пу́чек, гуся́ня Малго́ся и овечка́ Ме́тка, во́рон Пи́пуш и мно́гие, мно́гие дру́гие — ста́ли люби́мцами по́льской дестворы́. И не то́лько по́льской. Хотя́ писа́теля уже́ нет на све́те — он умер в 1950 го́ду. — кни́ги его́ «Крыла́тая бра́тия», «Люби́мый зве́ри́нец», «Ре́кся и Пу́чек», «Евро́па» выхо́дят во мно́гих стра́нах все́ но́выми изда́ниями.

Познако́мьтесь же-и-вы с замеча́тельным писа́телем бра́тской стра́ны и с его́ забавны́ми геро́ями.

Борис Заходер

М Е Т К А

На той сторонé улицы, почти напрóтив наших ворот, стоял в саду дóмик. Так себé дóмик — не красáвец, не урóд. Почему он почти всегда пустовáл, трóдно бýло понять. Так уж кáк-то получилось, что кто бы ни поселился в éтом дóме, сáмое бóльшее через полгóда уезжáл из нáшего городкá.

Единственным постоянным жильцóm вéчно пустовáвшего двора́ был пан ¹ Попёлэк, почтальóн. Занимáл он две малýсенькие комнатúшки во фли́геле. Он был вдовцóm и растýл двух дочерéй-близнецóв — Зóсю и Висю. Дéвочки бýли так похожи друг на дрýга, что я различáл их тóлько по цвёту лéнточек, котóрыми онí завязывали свой тóненькие косички. Онí чéм-то напомина́ли ма́леньких котят пéпельной шёрсти. Бýли онí óбе степенные, ва́жные, говорили ма́ло и всегда хóром.

¹ П а н (польск.) — господи́н.

На прогу́лках они́ водили́ за собо́й на краси́вой лѣнточке чѣрную овѣчку, кото́рую звали́ Жемчу́жинкой.

Жемчу́жинка — э́то была́ не овѣчка, а чу́до ума́ и ве́рности. Так, по кра́йней ме́ре, уверя́ли обе́ сестри́чки. До́лжен призна́ть, что действите́льно чѣрная овѣчка всегда́ ходила́ за де́вочками по пя́там; когда́ её звали́ по и́мени, блѣяла. Но все́-таки э́то была́ то́лько овца́. И бо́льше ниче́го. Глаза́ её смотре́ли на мир со́нно и слезли́во. Но э́то, как мне каза́лось, бо́льше всего́ и нра́вилось сестри́чкам Попелю́шкам в их овѣчке.

— Она́ такая́ кро́ткая! — восхища́лась Зо́ся.

— И такая́ ла́сковая! — вто́рила Ви́ся.

Ну что ж, прекра́сно! Сестри́чки и их кро́ткая овѣчка о́чень люби́ли друг дру́га — че́го же ещё́ ну́жно?

Ка́к-то де́вочки не́сколько дней не показыва́лись со своѣ́й овѣчкой на у́лице. Говори́ли, что Жемчу́жинка заболѣ́ла. Вдруг по́сле обе́да сестри́чки влета́ют ко мне в сад. Морда́шки запла́каны, глаза́ полны́ слѣз, а подборо́дки так трясу́тся, что бедня́жки сло́ва не вы́говоря́т.

— Что случи́лось? — спра́шиваю.

— Ах, дядя́ Ян! — всхли́пывает Зо́ся.

— Тако́е несча́стье! — вто́рит Ви́ся.

И обе́ в слѣзы! Пла́чут-залива́ются!

Я их успока́иваю как уме́ю. Дал по конфѣ́тке. Ника́кого впечатле́ния. Дал по второ́й — не помога́ет. То́лько когда́ угости́л их вишне́вым варе́ньем, удало́сь вы́яснить, в че́м де́ло. Жемчу́жинка умерла́...

— Что ж поде́лаешь, ми́лые, — говори́ю, — тут уж ниче́м не помо́жешь.

— А что бу́дет с Ме́ткой? — спра́шивает меня́ Ви́ся и сно́ва в слѣзы.

— Да, как же Ме́тка? — повто́ряет сквозь слѣзы Зо́ся.

— Какáя ещё Мётка? — удивляюсь я. — В жйзни не слыхэл ни о какбй Мётке!

Оказáлось, что у Жемчужинки появилась дбчка, что эту дбчку, такую же чёрную, как и её мáма, дёвочки ужé назвáli Мёткой, что Мётке этой всего три дня бт роду, и о том, чтббы кормить её сбской, не мбжет быть и рёчи. В ббщем, делá такие, что хоть прощáйся с Мёткой!..

Сижу и думáю, как пособить мáленьким заплáканным Попелюшкам. И вспоминаю вдруг о нáшей Вёрной. Говорю дёвочкам:

— Давáйте сюда свою сирбтку! Вёрная — собáка дббрая, благородная. И она как раз сейчас кóрмит сынишку. Мбжет быть, прймет и вáшу Мётку в свою семью. Попрбруем!

Сестрички Попелюшки удивлённо устáвились на меня.

— Нáшу Мётку отдáть собáке? — обйделась Збся.

— В собáчью конурб? — поддержáла её Вйся и пожáла плечáми.

— Или в собáчью конурб, йли ничём вам помбчь не смогу, — кóротно отвечáю я. — А что вáша Мётка за птица такáя, чтббы не моглá стать приёмной дбчкой моёй Вёрной? Хорошб, ёсли бы у всех людей ббыло такбе золотбе сёрдце, как у этой собáки!

Дёвочки переглянблись, подбдумáli, подбдумали — и, ни слбва не говоря, побежáli домбй. Онй тут же вернблись.

— Вот она, — говорит Вйся и развёртывает кусбк стáрой овчыны. А там — ягнёночек.

— Овчына — этб Мёткино придáное, — объясняет мне Збся.

— Чтóбы ей бýло теплó в конурé, — добавляет Вйся.

Идём с Мёткой и её приданым к конурé. Зову Вёрную. Выхóдит. Смóтит она́ мне в глаза́ прэданным взгля́дом, но ма́шет хвостóм кáк-то торопли́во.

«Если у тебя́, хозя́ин, ко мне ва́жное де́ло, — го-ворит, — то скажи́ скорéй. Ведь ты зна́ешь, что у меня́ в конурé малы́ш. Нельзя́ ни на мину́ту оставля́ть его́ без присмóтра».

Я положи́л перед Вёрной на зéмлю Мётку в овчйнке. Ягнёночек был так слаб, что не стоя́л на нога́х.

— Это свой, — говорю́ Вёрной. — Свой, ми́лая!

«Да как же мо́жно не пожалéть тако́го беспомощного червячка!» — отвеча́ют мне че́стные соба́чьи глаза́. Взья́ла моя́ Вёрная ягнёнка осторо́жно за шйворот и унесла́ к себе́.

Попелю́шки онемéли от изумлénия. А когда́ пришлй́ в себя́, схватй́ли овчйну и полéзли óбе ра́зом в конуру́.

— Вы уж не вмéшивайтесь! — говорю́ де́вочкам. —

Вйдно, Вёрной овчйнка ва́ша ни к чему́. Уж она́ лу́чше всех зна́ет, как ей воспй́тывать свою́ приёмную до́чку.

Девчу́шки постоя́ли перед конурóй с овчйнкой в руках, постоя́ли — и пошли́.

Но с тех пор ежеднёвно, по нёско́льку раз

в день, появлялись на нашем дворе. Они приносили с собой какое-нибудь угощение для Верной, молча клали его в миску и усаживались на корточках перед конурой. Но Метки не было видно: в конуре было темно, Метка была чёрная и не высывала носа на свет. Только иногда выглядывал из будки каштановый увалень¹ — сынишка Верной, пушистый и круглый, похожий на плюшевого медвежонка. Сестрички окрестили его Мйшкой. Так и осталось. Но и Мйшке не хотелось выходить из конуры. На свете в это время было совсем неинтересно.

Без перерыва лил дождь, стоял пронизывающий холод, как часто бывает ранней весной.

Наконец выглянуло солнце. Попелюшки как раз вертелись возле конуры. И вдруг я слышу их визг:

— Вот она! Вот она! Наша Метка! Наша Метка!

Гляжу, через высокий порог конуры с трудом переваливается каштановый клубок — Мйшка. Вышел, уселся, зевнул и с аппетитом чихнул. За ним выскочила Метка. Стала перед будкой, отряхнулась, и — я даже глаза протёр от изумления! — представьте себе: она вдруг уселась на землю — точь-в-точь как собака.

Мйшка отправился путешествовать по двору. Метка — за ним. Она останавливалась, когда он садился, пускалась галопом, когда Мйшка вырывался вперёд. Мйшка залез в лужу, Метка зашлёпала по воде. Намокший Мйшка заплакал, заплакала и Метка, хотя всё не намокла. Чудеса!

Попелюшкам всё это очень не понравилось. Почему? Прежде всего потому, что я запретил им

¹ Увалень — здесь: неуклюжий, неповоротливый, медлительный щенок.

брать на руки и Мишку и Мётку. Что мне, жалко было? Да, жалко. Жалко малышэй. Ведь они очень хрупкие, верно? Неосторожным движением можно искалечить такую крошку на всю жизнь. А ведь животное не игрушка, правда?

Я объяснил это сестричкам. Но, очевидно, мои слова их не убедили. Девочки обиделись. И перестали ходить к нам во двор. А вскоре уехали к тётке в деревню.

Я был этому рад. Почему? Да как бы вам сказать... Я всё больше убеждался, что Мётка ни капли не похожа на свою маму, Жемчужинку. Не была она ни короткой, ни ласковой. Одним словом, ничего в ней не было похожего на овечку, на ту приторно-сладкую овечку, которую ожидали Попелюшки. Мётка «особачилась». Особачилась окончательно и бесповоротно!

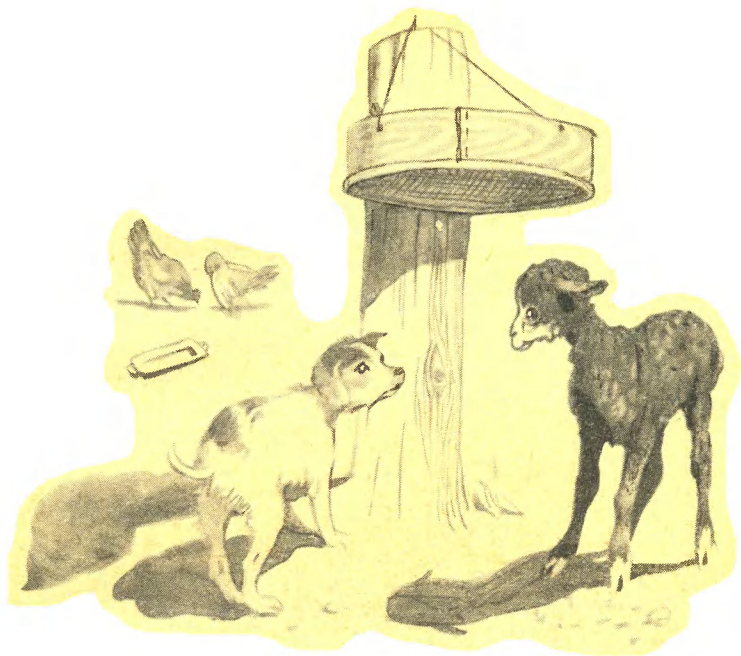
Вы спросите: как это «особачилась»? А так: стала вести себя совершенно как собака. Как её приёмная мать Верная и молочный брат Мишка.

Мётка делала всё то же, что делал Мишка. Мишка гонялся за курами — Мётка гонялась за курами. Мишке часто влетало от белого петуха, и Мётке от него же часто доставалось. Мишка ссорился с утками — Мётка отгоняла их от корытца. Мишка прыгал за воробьями — Мётка ловила бабочек. Спали они вместе в конуре, вместе отправлялись на экскурсии к пруду. Бегали по двору, описывали восьмёрки вокруг

столбцов. И ещё: одинаково резво улепётывали они от метлы в карающей деснице¹ нашей Катерины.

¹ В карающей деснице — устаревшая форма. Карающая; карать — наказывать; десница — рука.

Одно только разделяло их — еда. Мётка, правда, совала нос в собачью миску, но каши есть не могла. Зато Мйшка делал большие глаза, когда Мётка щипала травку или жевала сено. Он не переставал изумляться, что его дорогая Мётка может есть такую гадость.

Как-то я купил для Мётки овечьё лакомство — кусок каменной соли. Положил его в решето и оставил на дворе. Ну и заработала же Мётка языком, вылизывая соль! Прямо как ветряная мельница крыльями. Вы, наверно, ничего подобного не видели! Заметил это Мйшка. Заворчал, тявкнул, оттолкнул Мётку и хват зубами соль! Да как фыркнет! Начал чихать, отплевываться, вытирать язык о траву. С тех пор с отворачиванием смотрел на решето и на Мётку, когда она лизала соль.

«Испóрченный вкус!» — кривѣлся Мѣшка и отхо-
дѣл от грѣха подáльше.

Не дѣумайте, однáко, что у Мѣтки с Мѣшкой вкусы
были во всѣм рáзные. Валѣлась у нас на дворѣ кость,
мосól, обглóданный чѣсто-нáчисто. Мѣсом там и не
пáхло — это былá прóсто собáчья игрúшка. Все щеня-
та скúки рáди грызли её в ту пóру, когдá ничегó инте-
рѣсного на дворѣ не происходѣло. И как раз из-за этой
игрúшки однáжды Мѣшка с Мѣткой подралѣсь. Да
так основáтельно, что Мѣшка, скуля, убрáлся в кону-
рú. А Мѣтка потóм дóлго бѣгала по дворú с кóстью в
зубáх.

С тех пór я дáже не удивлялся, когдá Мѣтка вмѣ-
сте с Мѣшкой выбегáла к ворóтам и облáивала проход-
жих. Спрóсите: как это облáивала? А так: блѣяла бá-
сом, как трубá.

Моя племѣнница Крѣся научѣла Мѣшку служѣть.
Вскóре и Мѣтка стáла ходѣть на зádних ногáх, совсѣм
как балерѣна. Да ещё и «просѣла» перѣдними ногáми
кудá ловчѣе и старáтельнее, чем Мѣшка, котóрый во-
общѣ был стрáшным лентѣем и ничегó не хотѣл дѣлать
как слѣдует.

Прошлó лѣто. Попелюшки вернúлись из деревни.
И в тот же сáмый день пришлѣ посмотрѣть, как пожи-
вáет их Мѣтка.

Отворѣли онѣ калѣтку, останóвились. Пѣрвым уви-
дел их Мѣшка. Брóсился к ним с лáем. За ним Мѣтка.
Оба прыгают вокрúг бѣдных девчúшек, а те стоят, не
смѣя пошевелѣться, и смущѣнно улыбáются.

Вышел я на этот шум, дал кáждой сестрѣчке в рú-
ки кусóк сóли.

— Поздорóвайтесь с Мѣткой, — говорю.

Мѣтка почúяла соль. И срáзу стáла «служѣть».
Прóсит, мáшет перѣдними нóжками.

Сестрѣчки — хохотáть.

— Как собака! Как собака! — заливаются обе.

Но вдруг Зоя посерьезнела и говорит:

— Но только уж наша Метка не будет такая, как её мама!

А Вися тоже:

— Не будет такой кроткой, ласковой, как настоящая овечка...

— Ну и что же? — спрашиваю я. — Разве из-за этого вы будете её меньше любить?

Зоя на минутку задумалась.

— Пусть уж будет такая, как есть, — шепнула она.

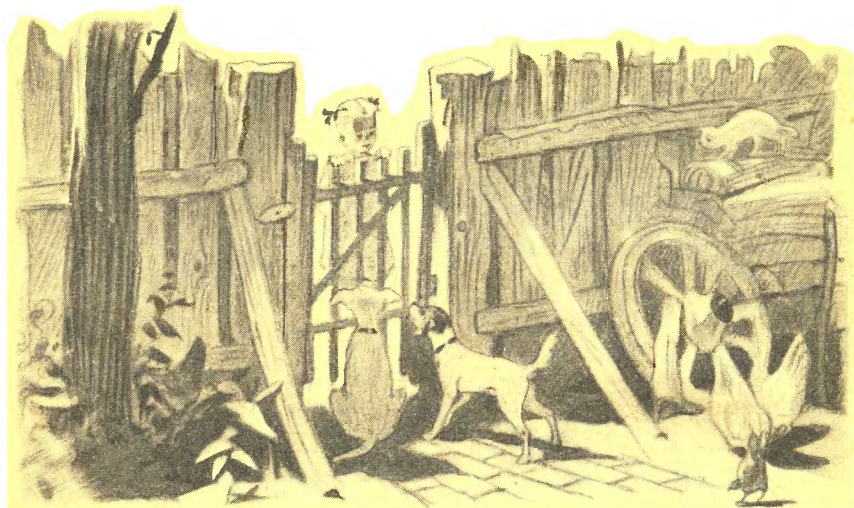
— Мы и такую будем любить, — поддержала Вися.

Славные, умные девочки были эти маленькие Попелюшки, верно?

И в тот же самый день Метка переселилась на новую квартиру. Как же хорошо было ей там, на просторном, безлюдном дворе!

Когда же по городу разлетелась весть о том, что у Попелюшек есть овца, которая умеет «служить», на дворе сталолюдно. Ведь всем хотелось посмотреть на такую диковину. А маленькие хозяйки очень гордились тем, что у них есть овца, которая — ну совсем как собака!

КРУШИНКА

Была у меня приятельница, по имени Ися. Бело-брыса я её головка доставала мне как раз до локтя, а глаза у неё были ясные и чистые, как зимнее небо. Она ходила в школу, которая помещалась в большом красивом здании из красного кирпича на углу нашей улицы.

Каждый день, возвращаясь из школы домой, Ися останавливалась у нашей садовой калитки и разговаривала с собаками. Они обычно уже поджидали её. Бывало, только завидят вдальке маленькую фигурку — и кидаются навстречу, прыгая от радости.

Тому, что к девочке ласкался Тупи — белый кудлатый пёс с голубиной душой, — ещё нечего удивляться. Тупи был самая доброта. Места в его сердце хватало для всех. Но вот Чапа-фокс...¹ Это был себялюбец,

¹ Фокс, или фокстерьер, — порода собак.

для которо́го, крóме его́ со́бственной мýски, не существова́ло ниче́го на све́те. И э́тот са́мый Ча́па не мог надыша́ться на Исю и да́же провожа́л её домо́й, с досто́инством подпры́гивая на трёх но́гах, как и подо́баёт фокстерье́ру.

Нет, э́то бы́ло порази́тельно!

Я зна́л, что Ися не прино́сит соба́кам ника́ких ла́комств. Дом её отню́дь не́ был по́лной ча́шей. Дети́шек была́ кúча, мал ма́ла ме́ньше, а пан Ла́мпа́рчик, о́тец Иси, зараба́тывал о́чень немно́го. Ко́гда же я по́знако́мился с де́вочкой побли́же, я по́нял, что соба́ки лю́бят её не ра́ди той ко́рочки, кото́рой она́ могла́ их вре́мя от вре́мени угости́ть. Они́ лю́били ма́ленькую Исю за её се́рдце. И за мате́ринскую забо́ту, кото́рую она́ ще́дро дари́ла всем и ка́ждому.

Ися — э́то была́ са́мая настоя́щая ма́ленькая ма́ма, внима́тельная и забо́тливая. Ясные гла́зки её все́гда ви́дели то, че́го никто́ друго́й не заме́тил бы. Она́ замеча́ла, наприме́р, что у меня́ вот-во́т оторве́тся пу́говица, и тут же бра́лась за иго́лку. Она́ зашива́ла мне по́рванный па́лец перча́тки, ко́гда я ещё́ был уве́рен, что мои́ перча́тки в по́лном по́рядке. Она́ умудря́лась заме́тить, что Ту́пи се́годня́ нева́жно вы́глядит; вы́нимала́ у Ча́пы из но́ги колю́чку, хотя́ он и не ду́мал хрома́ть. А у Ту́пи вы́тащи́ла ка́к-то из у́ха кле́щá, о кото́ром, крóме Иси, никто́ на све́те не зна́л — да́же сам Ту́пи.

Ися была́ ве́чно в тру́дах и забо́тах. Ду́маю, вам не ну́жно объ́яснять, ско́лько хлопóт у тако́й ма́ленькой ма́мы в большо́й семье́, где мно́-

го беспомощных малышей. Тем более, что ей приходилось ещё ухаживать за огоро́диком, кото́рый арендо́вал её о́тец. Огоро́дик — не́сколько гря́док — нахо́дился на дне большо́го овра́га, неподалёку от ма́ленького крúгло́го озерка́, почти́ сплошь зарос́шего тростнико́м.

Ка́к-то осе́нним днём встречаю́ Исю. На плече́ у неё — мешо́к, в рука́х — мото́га. Спра́шиваю, как у них ны́нешний год уро́дился карто́шка. Ися кивну́ла голово́й — мол, непло́хо — и начина́ет мне расска́зывать о том, что сего́дня твори́тся на о́зере.

— Что же там тако́е твори́тся? — спра́шиваю.

— А туда́, наве́рно, со всего́ све́та ла́сточки слете́лись. Ско́лько их там, дядя́ Ян! Так и но́сятся, так и мелька́ют, пра́мо в глаза́х темно́! Ну, как бу́дто кто клубо́к чёрных ни́ток размота́л на ветру́. А уж пища́т, щебе́чут — пра́сто в уша́х звени́т. Что они́ там де́лают,

дядя Ян? Люди говорят, что ласточки на зиму хоронятся на дне озёр и прудов, да это, наверно, неправда?

— Конечно, неправда, — говорю. — Они собираются улетать в тёплые края и сейчас советуются перед отлётом. Разве мало у них дел, которые надо обсудить перед такой дальней дорогой!

— А когда они улетят?

— Этого уж никто не знает, кроме самих ласточек, детка. Но вот увидишь, случится это так внезапно, словно ласточки действительно в воду канут. Потому-то, наверно, и пришло людям в голову, что ласточки на зиму хоронятся в прудах и только весной оттуда выходят...

Выслушала Ися мой рассказ, вежливо со мной простилась и пошла. На завтра она зашла за мной, и мы вдвоём отправились к озерку. Митинг у ласточек был в полном разгаре: писк стоял такой, что я едва мог разобрать, что мне Ися говорила.

А на другой день, когда мы с Исей снова пришли на озеро, там было тихо-тихо, только ветер шумел в камышах.

— Улетели, все улетели, — говорит Ися, глядя то на небо, то на зелёную воду, которая кое-где просвечивает в зарослях.

И вдруг она бросается вперёд. На берегу ложится на живот, раздвигает камыш, отгоняет Тупи, который уже что-то учуял и полёз было в воду...

Вот она встала. Что-то осторожно держит в руке. Смотрю — ласточка! Чуть живая. У неё сломано крыло. Головка в крови.

Обмыли мы с Исей несчастную пташку озёрной водой и завернули в мой носовой платок. У меня было мало надежды, что бедная ласточка выздоровеет, но Ися была другого мнения.

Накопали мы картошки и пошли обратно. Ися не-

сёт ласточку, я — мотыгу и мешок. Вдруг на полпути Ися остановилась и смотрит на меня. По глазам вижу, что она чем-то очень озабочена.

— Ты что, Ишенька? — спрашиваю.

— А что же мне делать с Константином? — говорит девочка встревоженно.

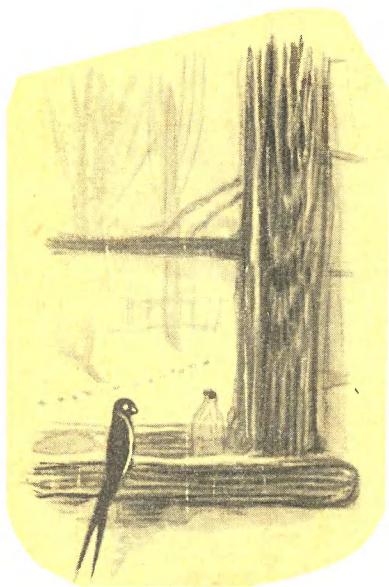
— Гм! Ну что ж... Оставь пока ласточку у меня, — отвечаю. — Посажу её в клетку — будет там у неё больница. А ты будешь навещать её, когда только захочешь. Идёт?

Ися согласилась. На том и порешили. А надо вам сказать, что Константин — это был большущий рыжий котёнок, от которого добра ждать не приходилось.

Ласточка осталась гостить у меня, но Ися забегала к нам по нескольку раз в день. И если птичка выжила и, что важнее всего, срослось её полуманное крылышко, это была целиком Исины заслуга.

Я поражался, глядя на эту девчущку. Так же, как она лучше Тупи знала, что ему докучает клещ, так и тут она сердцем угадывала, что нужно сделать, чтобы её ласточке было хорошо. А было это вовсе не легко! Ласточка была дикая, недоверчивая, привыкала к людям с большим трудом. Боялась всех, кроме Иси.

Когда птичка почувствовала себя настолько хорошо, что уже не нуждалась в больничном режиме, мы переселили её из

клётки в прáчечную. Там ей б́ыло свобóднее, да и теп-
лее. Лáсточка цéлые дни просíживала на подокóнни-
ке. Была она́ гру́стная, осовéлая¹ Оживля́лась лишь
тогда́, когда́ на дворе́ показывалась Ися.

Она́ и тогда́ не трепетáла от рáдости кры́льями,
как де́лают другíе пт́ицы, а то́лько б́ыстро, нёрвно
вертéла голóвкой и цв́ркала. Звук был пронзíteль-
ный, слóвно стеклó разб́илось.

Ися назвала́ свою́ лáсточку Круш́инкой — э́то знá-
чит Кро́шка. Она́ уверя́ла нас, что пт́ичка прекра́сно
знаёт своё́ и́мя. Мы ве́рили ей на́ слово. Скажу́ вам
то́лько, что я мог до хрипоты́ выкри́кивать: «Круш́ин-
ка! Круш́инка!» — а Круш́инка, как говор́ится, и у́хом
не вела́².

Вообщé, на мой взгляд, лáсточка была́ пт́ичкой не
сл́шком общ́ительной.

Не так д́умала Ися. Она́ могла́ часáми рассказы-
вать нам о том, какáя умная́ её Круш́инка, как она́
всё понимáет и как она́ рáда, что нашлá мéсто, где мо́-
жет перезимовáть, дождáться весны́.

А зимá тем врéменем прошлá. Рáнней весной́ Ися
началá вынос́ить свою́ Круш́инку на вóздух. Пт́ичка и
под тёплым сол́нцем была́ какáя-то сóнная и печáль-
ная. Пра́вда, порóй пыта́лась летáть — то взлет́ит на
забо́р, то на кры́шу террáсы. Но как-то неохóтно, не-
лóвко, без той чудéсной лёгкости полёта, котóрой
отличáются лáсточки. Она́ предпочитáла сидéть на
плечé Иси и чир́икать ей на́ ухо о каќих-то лáсточьих
делáх. Это серьёзно́ беспоко́ило дéвочку.

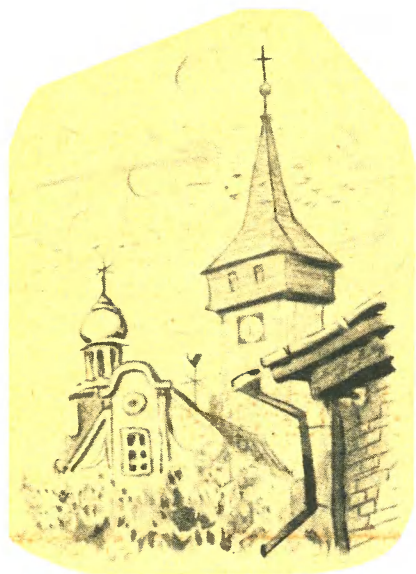
— Дядя́ Ян, ну как же быть? — допы́тывалась
она́. — Неужéли крылó у неё не срослóсь как слéдует?

— А ты рáзве не хотéла бы, чтóбы Круш́инка оста́-
лась у тебя́ навсегдá? — спрос́ил я одна́жды, когда́

---

¹ Осовéлая — полусóнная.

² Ухом не вела́ — здесь: не обращáла внимáния.

Ися решила учить ласточку летать, выпуская её из чердачного окна.

Ися ужаснулась:

— Крушинка должна быть совсем-совсем здоровой! Когда придёт настоящая весна и прилетят ласточки из тёплых стран, у моей Крушинки должно быть своё гнездышко. И дети. А такая калёка — кому она нужна?

Ну, и началось обучение полёту. Но оно недолго длилось. В один прекрасный день ласточка вспорх-

нула на самую верхушку ясеня и просидела там до сумерек, а наутро её уже не было.

В этот самый день появились тучи ласточек — и возле старой колокольни и на городской башне. Целыми роями кружили они над городом. Вскоре под каждой крышей, в каждом подходящем углублении в стене закипела работа.

Ися была счастлива. Она рассказала мне, что у её Крушинки уже есть гнездо где-то здесь, в городе.

— А ты не знаешь, где? — спрашиваю.

— Даже если бы знала, то не ходила бы к ней, — отвечает. — Разве у неё сейчас есть время для праздных разговоров? У неё и без того довольно забот — ведь она детей воспитывает... Правда?

Настало лето. Как-то днём забежала к нам Ися. Сидели с ней в садике под липой и болтали о том, о сём. Ися угощалась вишнёвым вареньем, которое очень любила. Вдруг вижу — блюдечко с вареньем

мѣдленно уползает из её руки, а лѳжечка поѳхала кудѳ-то к Исиному ўху. Ясные глѳзки Иси станѳвятся всѳ бѳльше и бѳльше — тогѳ и глядѳ, выскочат.

— Что случѳлось, мѳленькая? — спрашиваю.

А она не отвѳчает, тѳлько прижала пѳлец к губѳм и шѳпчет:

— Вот она! Вот она! Видите? Пришла!

И показываает мне лѳжечкой на забѳр. А там сидѳт лѳсточка, совсѳм вѳзле нас.

— Крушѳночка! — позвала её Ися.

Лѳсточка цвѳркнула — пронзѳтельно, звѳнко, слѳвно кто стекло разбѳил. Облетѳла вѳкруг столѳ раз, облетѳла другѳй. Присѳла на мгновѳние на край скамѳйки, на котѳрой сидѳла Ися, и улетѳла.

— Я так и знѳла! Знѳла, что она придѳт нас благодарѳть! — рѳдовалась Ися. Рѳдовалась от всего сѳрдца — дѳже заболтѳла ногѳми под скамѳйкой.

А потѳм прибѳвила — ужѳ совсѳм спокойнѳ:

— Да что гѳворѳть! Рѳзве мѳло у такѳй птѳшки своѳх забѳт? Что же тут удивлѳться, что она не могла побѳть с нѳми подѳльше. Прѳвда?

Прѳвда, Ишенька! Прѳвда, слѳвная мѳленькая мѳма!

Недѳром ты самѳ, как никто, печѳлилась о чужѳх забѳтах и всегда-всегда гѳтова была приѳть другѳму на пѳмощь!

ГУСЫНЯ МАЛГОСЯ

I

С Малгосей я познакомился в совершенно неожиданной обстановке. Ну, как вы думаете, где можно встретить гусыню? На пастбище, на дворе, у речки, у пруда, наконец на базаре, правда? Но встретить гуся в роли сторожевого пса!.. Согласитесь сами, это не каждый день случается!

А было это так. Лето. Зной. Жара такая, что язык во рту засох от жажды. Иду деревней и раздумываю, где бы достать чего-нибудь попить. Смотрю — сад! Запахло грушами, сочными яблоками, сливами... Я скорей туда. Шагаю по какой-то заросшей стёжке среди деревьев. Ищу садовника. Вдруг кто-то как

ущипнёт меня за ногу! Слышу злобное шипение и отскакиваю в сторону. И тут раздаётся такое громкое гоготание, словно кто-то в рог затрубил.

Гусыня! Привязанная бечёвкой за ногу! Гогочет — аж захлёбывается! Замолкает только тогда, когда тянется ко мне с раскрытым клювом, пытаюсь ухватить за ногу.

Появился наконец садовник. Гусыня посмотрела на меня, посмотрела на своего хозяина и спокойно принялась щипать травку.

— Умница, Малгося, — похвалил гусыню садовник.

Она умильно гагакнула в ответ.

— Что ж это, у вас вместо собаки гусыня на цепи? — спрашиваю садовника.

— А что? — говорит. — Она лучше собаки стережёт. Никого близко не подпустит к сторожке. А если кто в саду покажется, так трубит, что за мило слышно. Лучше неё никто мне сада не устережёт.

— Ну и ну! — удивляюсь я.

— Да разве вы не знаете, что гусь самая лучшая сторожевая собака? — усмехается садовник.

Я признался, что не знал. Знал я, правда, что давно, очень давно — тысячу лет назад — чуткость гусей спасла Рим. Своим гоготом гуси разбудили часовых, уснувших на стенах города, и из-за этого галлам (был некогда такой народ) не удался ночной штурм. Но и в голову мне никогда не приходило, что своими глазами увижу гуся, который сторожит сад.

Ем я не то яблоко, не то грушу, поглядываю на гусыню и беседую с садовником. Узнаю, что купил он Малгосю совсем молоденьким, едва оперившимся гусёнком.

— Всю зиму и раннюю весну я продержал её дома, в избе, — говорит. — А как настало лето, привёз

сюда и поставил сад стёречь.

— А кто её назвал Малгосей? — спрашиваю.

— Назвала её так одна тани, учительница в школе. Наверно, в шутку назвала, да так и осталось... Малгося! — позвал он гусыню.

«Га-га-га!» — весело отозвалась она.

— А что же вы сделаете с гусыней осенью, когда отсюда уедете? — спрашиваю садовника.

Он удивился:

— Как — что? А что делают с гусьями осенью? Съём!

Что бы вы сделали на моём месте, услышав такое заявление? Думаю, то же самое, что и я. Я спас Малгосю от смерти, а садовника от поступка, который мне казался почти людоедством. Человек хотел съесть своего друга и верного сторожа!

Долго мы с садовником торговались, но в конце концов я купил Малгосю.

Но не так легко спасти гуся от смерти, как может показаться на первый взгляд. В особенности, если перед вами несколько добрых километров пути до дому. Нести? Что ж, можно нести. Но нужно либо связать гусю крылья, чтобы он не вырывался, а этого я делать не хотел, либо быть готовым к долгой борьбе, драке, погоне. Вести её? Правда, я получил впридачу от са-

дóвника и бечёвку, на котóрой была привязана Малгóся, но как вы уговорíte гусыню итти гулять, когдá у неё и в мýслях ётого нет?

Взвёсив всё ёто, решил всё же нести. Взял Малгóсю под мýшку и пошёл.

Пёрвые полчаса бýли сýщей кáторгой: Малгóся изо всех сил старáлась вёрваться. Она́ кричáла отчáянным гóлосом, добирáлась клювом до моего нóса, щипáла меня зá уши... Махáла крыльями она́ так, что мне казалóсь: тогó гляди́, мы с ней взовьёмся под небесá и полетим над полями.

Нёсколько раз ей удавáлось вёрваться. А бёгала она́, нáдо сказáть, совсём не плóхо. На своих «собáчьих» харчáх гусыня не óчень-то раздобрéла, и ход у неё был исключително лёгкий и неутómый.

Да.ещё.не забудьте о жарё: пеклó невыносимо.

Наконёц измýчились мы с ней óба до потёри сознáния. На дорóге стои́т дикая гру́ша. Сажусь в тень. Утираю пот, отдыхаю.

— Заёздила ты меня́, — говорю́ Малгóсе.

А она́ смóтрит мне плутовский в глазá, чтó-то про себя гагáкает. И вдруг слезáет с моих колён. Ох. лóмаю, опя́ть за ней гоня́ться! А двигаться не хóчется. Стáло мне ужé всё равнó. Жду, что бۇдет дáльше.

Смотрю́, Малгóся потяну́лась, помахáла крыльями, переступила нёсколько раз с ногй нá ногу и говорит:

«Ну, раз уж нам вмёсте путешествовать, так лóчше я пойду́ самá, чем на тебе́ ёхать!»

И помалёнку, вразвёлочку двинулась в путь придорожной стёжкой. Отошла на несколько шагов. Остановилась. Оглянулась на меня.

«Не спешишь? — говорит. — Это хорошо! Пощиплю пока что травки. Надо немного подкрепиться после всей этой возни».

И принялась за еду.

С того места и до дому мы шли с ней, как настоящие друзья. Нога в ногу. Спокойно, тихо, не спеша, мирно беседуя. Малгося

любила поговорить. Не переставала гоготать и не очень-то позволяла мне вставить словечко. Но, правда, иногда требовала ответа. Забегала вперёд меня, смотрела в глаза и не пускала дальше.

«Почему ничего не отвечаешь, когда я тебя спрашиваю?» — упрекала она меня.

Так как я не очень понимал, о чём идёт речь, но не хотел и обижать Малгосю, то говорил ей в ответ что-нибудь ласковое:

— Милая Малгося! Славная ты гусочка! — и гладил её по белой головке.

Это она превосходно понимала. Тёрлась лбом то об мою руку, то об ногу, ласкалась. Побеседовав, мы шагали дальше.

Попался по дороге ручей. Мы с ней вволю напились. Когда дошли до какой-то деревни, я взял Малгосю на руки и понёс. Потом выпустил. А когда мы дошли до второй деревни, она сама остановилась и

ждала, чтобы я взял её на руки. Когда же миновали последние избушки, вылезла у меня из-под мышки.

«Дальше я могу идти сама», — сказала она и зашагала себе по обочине дороги.

II

Она не обратила внимания на уток, едва глянула на кур, но зато внимательно оглядела собак.

«Зачем ты держишь этих противных животных?» — с упрёком сказала она мне и, шипя, вытянув шею, двинулась к собачонкам.

А случилось так, что на дворе была одна молодёжь, собачья мелюзга.

«Ай-ай-яй-яй!» — завопили перепуганные щенята.

И в конуру!

Толкались, лезли друг через друга. Ноги, головы, хвосты так и мелькали в воздухе. И немало времени прошло, пока нашлись смельчаки, отважившиеся взглянуть из конуры хотя бы одним глазком.

С этой минуты маленькие собачонки старались обходить Малгосю стороной. Со старыми псами, особенно с Чапой, Малгося жила в согласии. Помнится, только с Тупи были у неё какие-то мелкие недоразумения на почве ревности — из-за Криси. Тупи любил свою маленькую хозяйку до безумия. Малгося отдала своё сердце ей же. И вот порой возникали споры о том, кого Крися сердечней приласкала или кому первому дала какую-нибудь крошку. Но у обоих — и у Тупи и у Малгоси — был благородный характер. Они слишком хорошо понимали, что, ссорясь между собой, огорчают свою любимицу, и потому дело никогда не доходило до каких-нибудь некрасивых сцен. Самое большее, Тупи показывал нам всем, что его обидели. Ходил жаловаться мне, Катерине. Но не было слу-

чая, чтобы он зарычал на Малгосю или оскалил на неё зубы. Нельзя, правда, сказать, чтобы Малгося умела так же владеть собой. Иногда она шипела весьма грозно и начинала подбираться к Тупиному хвосту. Получала за это по носу. Слегка. Но она смертельно обижалась и немедленно принималась громгласно на весь дом жаловаться:

«Ах-ах-ах! С этим псом нельзя жить под одной крышей! Да-да-да-да-да!»

Но чаще всего, когда Крися выходила в сад, с одной стороны бежал Тупи, с другой шлепала Малгося. И пусть бы кто-нибудь попробовал подойти к Крисе! Тупи налетал спереди, а гусыня подкрадывалась сзади. И шипала она весьма чувствительно! На собственном опыте убедился в этом Лорд-доберман¹, пёс со двора напротив, который осмелился однажды залаять на Крисю. Тупи вцепился ему в нос, а гусыня занялась той половиной добермана, которая, как он считал, находилась в полной безопасности. Ну и досталось этому Лордишке! Надолго запомнил! К гусыне он с тех пор боялся подойти на пущечный выстрел.

Малгося любила ходить с Крисей на прогулки, особенно за город. Было это зрелище единственное в своём роде. Гусь с собакой идут рядышком, плечом к

---

¹ Доберман — порода собак.

плечу, за ними—Крися. Малгосья поминутно останавливается, оглядывается, вежливо и заботливо гогочет:

«Может быть, нам прибавить шагу? А может быть, ты устала?»

И шагает дальше, переговариваясь с Тупи, который, впрочем, больше молчит, поскольку его гусиные дела мало интересуют.

Славная гусочка! Был у неё, у бедной, постоянный источник огорчений. Никак она не могла примириться с нашей несправедливостью. А именно: мы её не пускали в комнаты. Почему? Птица не может так следить за собой, как собака или кошка... А нам трудно было согласиться с тем, чтобы у нас на диване был луг, а в столовой гусиное пастбище. Но Малгосья этого не понимала. Если дверь была отворена, она входила, осматривалась и говорила со всей учтивостью:

«Вот и я!»

Когда её выпроваживали, убежала под террасу и там страдала в одиночестве. Не откликалась на зов, никого не замечала. Неподвижно, грустно глядела в одну точку. Бедная Малгосья!

III

Под этой террасой Малгосья и спала. Она не желала ночевать с утками в птичнике. На зиму она перелетела в прачечную, где было теплее.

И там, на новой квартире, она стала кошачьей нянькой.

Дело в том, что кошка Имка тоже поселилась со всем своим семейством в прачечной. Решив, что её дети будут себя лучше всего чувствовать в клетушке Малгосьи, она устроила их там.

Как-то захожу я в прачечную. Гляжу — на своём обычном месте сидит Малгосья, растопырив крылья, распушившись. Увидев меня, она зашипела:

«Ш-ш-ш! Тихо! Не шуми, — они спят!»

Что-то пошевелилось у неё под крылом. Пригляделся я — батюшки! Ухо! Кошачье ухо! А вот и вся голова показалась. Смотрит на меня голубыми глазами и зевает — роскошно, во всю розовую пасть! А Малгосья ласково перебирает клювом кошачью шерстку.

С той поры Имка появля-

лась у котят только тогда, когда решала, что их нужно покормить, или задумывала устроить баню всему своему семейству. Пестовала котят исключительно Малгосю. Она и вывела их на первую прогулку. И, понятно, приёмные дети доставили ей много волнений. Гусыня никак не могла примириться с тем, что котята ходят по забору или лазают по деревьям. Старалась стащить их на землю. Хватала за хвостики. Кричала на них. Клевала их, когда могла достать, в наказание за эти неразумные и опасные выходки.

Но, будучи умницей, она вскоре поняла, что кошачьей натуры не пересиличишь, и оставила малышей в покое.

Котята, однако, долго не забывали, что Малгося была их нянюшкой. И, помня, как чудесно было в её пуху, приходили к ней спать. Добрая Малгося прижимала их к себе и заботливо укрывала крыльями.

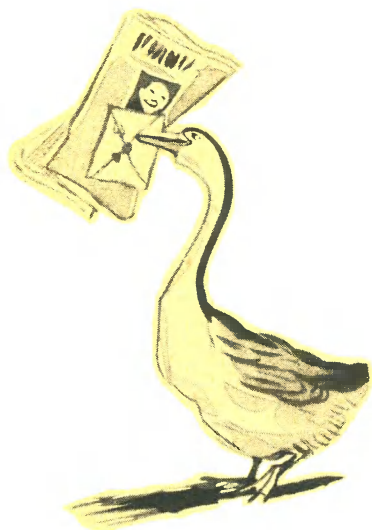
IV

Вот какая была наша Малгося. А кроме того, был у неё талант — настоящий талант: она выучивалась всевозможным штукам с поразительной лёгкостью. Достаточно было ей раз показать, чего от неё добиваются.

Она прищуривалась и говорила:

«Только-то? Да с удовольствием!»

И всё делала. Очень старательно. И любила этим щегольнуть. Вы не думайте, что животные не любят, чтобы ими восхищались: они очень чувствительны к человеческой похвале. Малгося прекрасно знала, когда нам приносят почту, и ждала почтальона у калитки. Беспокоилась, когда письмомоносец опаздывал, и строго ему за это выговаривала. Сама получала у него письма и газеты и относила нам на террасу.

Когда мы сидели в саду на скамейке, достаточно было подвинуться и сказать:

— Малгося, иди к нам! Что такое? Где ты пропала?

«Вот она я!» — немедленно откликнулась она.

И много, много разных штук знала наша Малгося. Больше всего, однако, любила она поплясать. Она умела танцевать замечательный танец — гусиный фокстрот, как мы его называли.

Надо было только засвистеть какую-нибудь плясую мелодию — Малгося немедленно начинала кружиться и махать крыльями. Танцевала она самозабвенно. Когда свист прекращался, останавливалась и прислушивалась. А потом недовольно поглядывала на нас и кричала:

«Что же это такое? Где музыка? Почему не свиستیшь?»

И ждала с нетерпением, готовая вновь пуститься в пляс. Что было делать? Оставалось только свистеть и улыбаться, глядя на развеселые ~~выкрутасы гусиных~~ плясуньи.

Мог ли кто-нибудь из нас предположить, что этот самый талант лишит нас нашей Малгоси!

Однажды летом приехал в наш городок бродячий цирк. Мы не интересовались им. Кто-то рассказывал, что там выступают дрессированные собачки, которые ходят на передних лапах, головой вниз. Мы слишком

хорошо знали животных, чтобы не понимать, какая это для них мука, и решили не ходить в цирк.

Зато цирк пришёл к нам.

Как-то днём, когда Малгося расчудёсно танцевала свой фокстрот, заметил я у ограды какого-то чужого человека. Он, облокотившись на изгородь, любовался танцами нашей гусочки.

— Продайте мне гусыню! — крикнул он мне.

— Я не отдам в незнакомые руки животных, которые живут у меня в доме. Они — мой друг, — ответил я.

Он засмеялся. Ушёл. На завтра Малгося исчезла. Уехал и цирк.

Я разыскивал Малгосю как только мог. И не нашёл. Вот если вы когда-нибудь в цирке встретите гусыню, которая танцует, позовите её: «Малгося!» У моей было тёмное пятно на левом крыле, не забудьте! Так вот, позовите: «Малгося!» И если она посмотрит на вас умными глазами и ответит: «Это я!» — передайте ей от меня, что я её никогда не забуду.

Ж А Б А

Все живóтные, котóрые жíли на нáшем дворе, попада́ли ко мне то́лько по во́ле слúчая. Не припо́мню, что́бы я когда́-нибудь купи́л себе́ хотя́ бы одну́ соба́ку и́ли котá. И все́-таки поро́й по нáшему двору́ разгу́ливало одновреме́нно пять соба́к, не́сколько ко́шек, ёжик, га́лка, ручна́я гусы́ня, котóрая разговáривала с нáми, как челове́к. А об у́тках, ку́рах да́же и вспоми́нать не сто́ит!

Зато́ сто́ит вспо́мнить Пíпуша, во́рона, — ли́чность, во всех отноше́ниях досто́йную внима́ния. Слúчай дарова́л его́ нам в са́мом не́жном во́зрасте. Воронёнок едва́ опери́лся, а вокру́г его́ клю́ва торча́ли же́лтые у́сики — при́знак, по котóрому, как изве́стно, узнаю́т

птичьего младенца, иными словами — желторботого птенца.

В раннем детстве Пипуш мало походил на приличную птицу. Был это просто-напросто вечно разинутый клюв, скачущий на двух ногах. Из этого клюва вылетало хриплое: «Ррааа!» С утра до вечера. Как труба иерихонская! ¹ И клюв этот старался сожрать всё, до чего только мог дотянуться. Палец — так палец, палка — так палка. Скатерть на столе, собачий хвост, голова живой курицы — всё у него шло в дело! ²

За эту свою прожорливость Пипуш, понятно, не раз платился. Его это, однако, мало смущало. Лишь после того, как он однажды проглотил солидный кусок мыла и два дня просидел нахохлившись и потеряв всякий интерес к жизни, он начал несколько умерять свой аппетиты.

Но спустя недолгое время он ухитрился проглотить с полметра тонкого резинового шланга. Что тут было! Воронёнок носился по двору как ошалелый, орал благим матом, махал крыльями, а из клюва у него торчал конец шланга. Наконец кто-то, сжалившись, вытащил шланг. Пипуш выпил всю воду из куриной поилки, встряхнул головой и крикнул. С этого часа он уже не бегал с вечно разинутым клювом и старательно избегал длинных предметов — настолько длинных, что их нельзя было проглотить одним духом.

¹ Труба иерихонская — труба, которая издаёт очень громкие звуки. По древнейшему преданию, стены в городе Иерихоне были разрушены звуками трубы.

² Всё у него шло в дело — здесь: всё воронёнок старался схватить и проглотить.

Воронёнок рос и с вóзрастом становился умнее. Вскóре он пóнял: всё, что в дóме достóйно внимáния, происходит на кúхне. И он дéлал всё от него завíсящее, чтóбы из кúхни не выхóдить.

Неприятно мне это говорíть, — íбо со врéменем воронёнок наш стал почтénной птíцей,

— но бóлее бессты́дного ворíшку, чем Пíпуш в дётстве, трóдно себе предстáвить. Крал он прýмо изпод нóса, крал всё, что тóлько мог схватíть. До того обнаглёл, что однáжды захотёл попрóбовать нáши котлёты, котóрые как раз жáрились на плитé. И, решív, что котлёты со сковороды́ всего́ вкуснее, прыгну́л обéими ногáми прýмо на раскалённую плитú!

Хúдо бýло Пíпушу, óчень хúдо! Еле-эле мы его́ отхóдили.

Пóсле этой катастро́фы воронёнок стал замётно осторóжнее. От кúхонной плиты́ он держáлся на почтíтельном рассто́янии.

Вообщé Пíпуш, по мéре того́ как рос, узнавáл жизнь всё лúчше и прекрáсно пómнил всё, что однáжды víдел íли узна́л по óпыту. Он хорошó знал, чтó мóжно себе позволíть со мной, чтó ему́ простíт Крísя и за что ему́ влетíт от Катерíны.

Изучíл он и харáктеры нáших собáк и пришёл к убеждéнию, что мóжно не обращáть внимáния на их лай, рычáние и дáже на грóзный оскáл зубóв. Нúжно тóлько вскочíть собáке нá спину и дубáсить её клю́вом по головé — кудá попáло и скóлько влéзет.

Понял он, что и с Имкой, кошкой, можно справиться. А у кошки нашей был, надо сказать, довольно тяжёлый характер, и она вертела всем двором как хотела. Когда же Пипуш справился с Имкой, он начал наводить на дворе свои порядки. Выгнал раз и навсегда всех котов, которые приходили в гости к Имке; запретил чужим собакам даже заглядывать к нам во двор.

Не думайте, однако, что Пипуш вообще не терпел чужих. Ничего подобного! Были у него свои симпатии. Вот детей он, правда, недолюбливал. Вероятно, потому, что шагах в ста от нас находилась местная школа. Возвращаясь из школы, шумная гурьба детворы пробегала возле самого нашего забора.

Нельзя сказать, чтобы сорванцы вели себя на улице очень тихо. Шуму и гаму, по правде сказать, было всегда немного больше, чем нужно. Я им это охотно прощал, но вот Пипуш весьма не любил крика.

Борон хорошо знал, когда кончаются занятия. В эту пору он всегда сидел высоко на липе и кричал с её верхушки своё: «Ррааа!» Что, несомненно, означало: «Тихо вы там, мелюзга! Нельзя кричать на улице!»

Ну, а ребята, естественно, на Пипушевы выговоры не обращали внимания, а может быть, кое-кто ему даже показывал мимикой, что ни в грош его не ставит¹. Отсюда и обиды, понятно?

Но как раз среди школьников Пипуш нашёл подружку, и самую настоящую, задушевную. Звали её Вацкой. Этакая кнопка с белобрысыми косичками, заплетёнными туго-туго. Торчали они у неё как две проволочки.

Была это тихая, короткая девочка. Её зелёные, как

¹ Ни в грош его не ставит — совсем не уважает его, совсем не считается с ним.

неспелый крыжовник, глаза смотрели на свет, словно удивляясь, что небо такое голубое, что цветы так чудесно пахнут. Видели таких девчушек?

Так вот, эта Вацка возвращалась из школы всегда одна. Она останавливалась под липой, заглядывала Пипушу прямо в глаза и говорила ему что-то ласковое. Приносила ли она ему что-нибудь поесть? Сомневаюсь. Впрочем, дружбы, настоящей дружбы, не купить никакими подарками...

Вацка, несомненно, пленила Пипуша своей добротой. Он слетал к ней, усаживался на краю забора, поглядывал на неё то одним глазом, то другим. Однажды позволил ей поглядеть себя по голове, а сам стал перебирать клювом её волосы.

Так началась их дружба. Вскоре, однако, Пипуш пришёл к убеждению, что беседы с Вацкой на заборе кончатся слишком быстро, и он начал провожать девочку домой. Перелетал за ней с забора на забор. Жили мы в таком районе, где все дома стояли в садах.

В конце весны Пипуш уже стал ходить к Вацке в гости — в послеобеденные часы. А когда настало лето, у нас в доме начали твориться непонятные вещи. Невозможно стало, например, напастись пуговиц. Стоило на минуту оставить пальто в передней, и уже наверняка ты недосчитывался по меньшей мере одной, а то и двух пуговиц. А праздничное летнее пальто Катерины осталось без единой пуговицы, словно их ветром сдуло!

Наконец в один прекрасный день исчезли две красивые кораллово-красные пуговицы — украшение Крисинового платья.

И вот после пропажи этих-то коралловых красавиц всё объяснилось. Вскоре к нам в гости пришла Вацка и принесла в передничке несчётное множество всевозможных пуговиц. Были среди них и Крисины красные. Вацка рассказала нам, что она уже давно заметила: кто-то кладёт пуговицы на её подоконник. Не могла только додуматься, кто это её так одаривает. И только по этим красивым коралловым пуговкам, которые она видела раньше, догадалась, что это наш Пипуш носит ей подарки. Вот она и пришла вернуть нам подношения своего друга.

Черномазый разбойник сидел на окне веранды и поглядывал на то, что происходит. Вид у него был самый невинный. Потом он задумался и неожиданно заорал:

«Прааа! Знаю!»

Совершенно ясно было: он понял, что его маленькой приятельнице пуговицы не нужны. И с той поры начал носить ей мой папирós. После папирós — цветы, одни головки. Обрывал их аккуратно и тщательно. Пипуш вообще во всех делах отличался аккуратностью и добросовестностью.

И на цветах всё кончилось, потому что Вацка стала нашей постоянной гостьей. Не было ни нужды, ни времени ходить к ней.

Но вот однажды Ва́цка пропа́ла. Не приходила к нам целый день. Не пришла и на друго́й. Мы не знали, что с ней случилось. Но Пипуш знал. Был он неспоко́ен, взви́нчен. То пропадал из дому, то снова возвращался. Кричал своё: «Прааа!» — словно трубил трево́гу.

Вскоре узнали и мы, что ма́ленькая Ва́цка заболела, что окна её ко́мнатки были закрыты, что во́рона прогоня́ли, когда он являлся её навестить и пытался потихо́ньку, по обыкнове́нию, проникнуть к своей приятельнице. Говорили, что он целыми часами выжидал удо́бного момéнта, си́дя на заборе, и орал благи́м ма́том ¹, оскорблённый тем, что кто-то осмеливается стать ме́жду ним и ма́ленькой Ва́цкой.

Когда Ва́цку увезли в больни́цу, Пипуш стал целые дни проси́живать на ли́пе. Не сводил глаз с доро́ги. Он ждал. Упо́рно, терпеливо. Мо́жет быть, уже начались занятия в шко́ле, думал он, и ми́лая его́ се́рцу де́вочка скоро появится на знако́мой доро́ге?

Утра́тив наде́жду, он объявил войну́ воробья́м. Вероятно, потому́, что они́ облюбовали ли́пу для своих сбóрищ и их го́мон ² мешал Пипушу горевать.

Де́ло шло уже́ к о́сени, когда́ наконец Ва́цка пришла́ к нам. За вре́мя болéзни она́ очень ви́тянулась, каза́лась ещё́ бо́лее хрупкой и то́ненькой, чем ра́ньше. Зелёные её глаза́ ста́ли ещё́ бо́льше, с ещё́ бо́льшим удивле́нием присма́тривались они́ к жи́зни, к кото́рой она́ верну́лась.

Само́ собой разуме́ется, пе́рвый её вопро́с был о Пипуше. Во́рон в это вре́мя был за́нят на дворе́ перестанóвкой соба́чьих ми́сок. За э́тим увлекате́льным заняти́ем он всегда́ забывал обо́ всём на свете.

Ва́цка вы́сунулась из окна́ терра́сы и позвала́:

¹ Ора́л благи́м ма́том — гро́мко кричал.

² Го́мон — шум, глухо́й го́вор.

— Пипуш!

Как только ворон услышал её тонюсенький, как ниточка, голосок, он крикнул: «Ррааа!» — и в ту же секунду очутился на террасе.

Если вы не видели его в эту минуту, вы не можете себе представить, как птица может ликовать. Он с ума сходил от счастья! Забирался маленькой Вацке под мышки, ласкал её, гладил клювом по рукам, по лицу... Наконец уселся ей на плечо и стал лёгонько водить клювом по пробору, разделявшему её светлые волосы. Кричал на меня, на Крису, покаркивал как-то странно, отрывисто — я был в эту минуту уверен, что слышу смех ворона! Внезапно Пипуш каркнул что-то, сорвался с места и вылетел в окошко. Через минуту вернулся и положил перед Вацкой огромную, с доброе блюдце, жабу!

Ворон глядел девочке в глаза, словно говорил:

«Видишь! Что там пуговицы, папиросы или цветочки! Вот это настоящий подарок! А всё за то, что ты к нам вернулась, девочка моя дорогая!»

Ну, разве не хорошее было сердце у нашего Пипуша, если он сумел так полюбить маленькую Вацку с зелёными глазами?

ЧЁРНЫЙ ПЕТУХ

Ну, кто бы мог подумать, что за один день — да что я говорю, за какой-нибудь час! — весь порядок на нашем дворе полетит вверх ногами? И из-за кого, главное? Из-за обыкновенного петуха!

Да, это было для всех нас полной неожиданностью. Однако факт остаётся фактом.

Пошёл я как-то на рынок. День был базарный. Но, честное слово, я не собирался ничего покупать. Я просто хотел поглядеть, что люди привезли на базар.

Вот хожу я вдоль прилавков: чем полюбуюсь, что

потро́гаю, то с тем, то с други́м продавцо́м переки́нусь слóвом.

И вдруг натыка́юсь на корена́стую да́му в плóской, как блин, шля́пе. Она́ де́ржит под мы́шкой чёрного петуха́. Петуши́ще ро́стом с до́брого индюка́, а глаза́ у него́ кра́сные, как кровь. Посмотрéл он на меня́ о́чень внима́тельно и, сказа́л бы я, да́же умно́. Понра́вился мне э́тот взгляд. Я потрепа́л петуха́ делика́тно по ше́е. Он — раз! — и клю́нул меня́ в ру́ку.

— Купи́те кочетка́! — предлага́ет мне да́ма в блиноподо́бной шля́пе.

Я отгова́риваюсь тем, что у меня́ до́ма уже́ есть петух, второ́й мне, мол, ни к чему́.

Да́ма де́лает вид, что не слы́шит. Начина́ет расхва́ливать свое́го петуха́ на все лады́. Ты́чет мне его́ пра́мо в глаза́, ду́ет ему́ в пе́рья, что́бы показáть, ка́кой он жи́рный...

Надо́ призна́ться, уме́ла э́та те́тя зу́бы заговáривать¹. Мастери́ца была́!

Не успе́л я оглянúться, как петух уже́ оказа́лся у меня́ под мы́шкой.

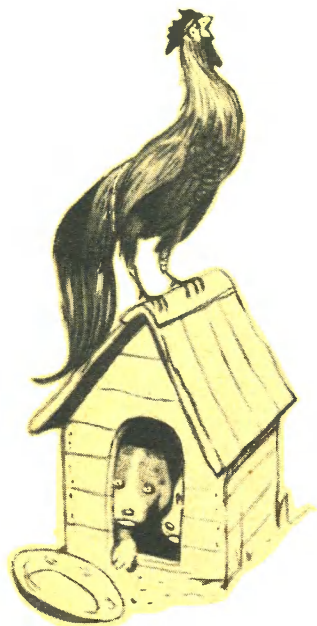
Бегу́ я с ним домо́й. Бегу́ что есть ду́ху, потому́ что поку́пка моя́ рве́тся как ошалéлая. Бьёт меня́ крýльями! Клюё́тся! А уж кричи́т, а уж кудáхчет — прохóжие останáвливаются и оборо́чиваются.

Дотащи́л я его́ наконéц до свое́й калитки и пусти́л во двор.

Чёрный петух взмахну́л крýльями и кукаре́кнул. Го́лос у него́ оказа́лся звúчный — су́щая труба́! Он пропе́л ещё́ раз. Поскре́б ного́й зе́млю — раз, друго́й. И ва́жно, не спешá, двину́лся по двору́. Удиви́тельно краси́вый, перелива́ющийся все́ми цвета́ми ра́дуги хвост волочи́лся за ним по земле́.

---

¹ Уме́ла... зу́бы заговáривать — здесь: уме́ла до́биться свое́го.

Посреди двора чёрный остановился, снова помахал крыльями, осмотрелся, коротко кукарекнул: «Вот и я!» — доведя тем самым до всеобщего сведения, что отныне начинается его правление.

Началось всё с нашего петуха Беляша. Я и ахнуть не успел, как он уже лежал распластанный на земле. Чёрный сидел на нём и учил его уму-разуму. Соскочил. Взялся за селезня. Так отколошматил беднягу, что тот едва мог пошевелиться. Тут подвернулась Имка, кошка. Петух — к ней. Кошка — наутёк! Петух — за кошкой! Они пронеслись по двору. Имка вскочила на забор.

И петух — на забор! Имка — на крышу сарая. И он — на сарай. Еле-еле успела кошка протиснуться в узенькую щель между досками. Петух заглянул в щёлку, потом сердито забормотал, как индюк.

«Помни, что я тут главный!» — и соскочил с сарая.

В мгновение ока Чапа-фокс и Тупи — большая дворняга — спрятались в конуру, и лишь изредка выглядывал оттуда чей-нибудь побелевший от ужаса глаз.

Милый петушок оглядел весь двор — он был пуст, словно кто его хорошо подмёл — и в третий раз взмахнул крыльями. В третий раз кукарекнул — и направился прямо ко мне.

«А ты кто такой?» — спросил он, исподлобья глядя на меня своими красными бусинами.

И вдруг как прыгнет мне на голову!

...Стыдно признаваться, но улепётывал я в дом не хуже, чем мой Тупи в свою конуру.

С этого дня целых две недели никто из нас не выходил во двор без старого зонтика над головой. Катерина однажды осмелилась пренебречь этой предосторожностью, и пришлось ей целый час просидеть в прачечной. А чёрный петух — мы назвали его Разбойником — расхаживал перед дверью прачечной мёрными шагами взад и вперёд, как часовой.

Уйти, снять осаду — этого у него и в мыслях не было. Бедной Катерине пришлось в конце концов надеть на голову бельевую корзину. В этом шлеме она помчалась в кухню. Другого выхода не было!

Чтобы кто-нибудь чужой показался на нашем дворе, об этом и думать не приходилось. Все дела мы улаживали либо на улице, либо в саду — и то как можно подальше от подворья. Ведь Разбойник, стоило ему услышать знакомый голос, вскакивал на забор. И никогда нельзя было предвидеть, на кого и когда он кинется.

Ни минуты покоя он нам не давал, Разбойник!

Я даже, по правде говоря, не очень удивлялся, что Катерина всё чаще, всё настойчивее заговаривала о бульоне с рисом. В этом бульоне, по её мнению, Разбойнику было бы самое подходящее место. Не отрицаю, мне было жалко петуха, но жить у себя

дóма в вéчном страхе — это тóже не осóбненное удо-
вóльствие. Так что я уж гóтов был примириться с
неизбéжностью...

Так обстояли дела, когда пришлá к нам Эдítка,
дóчка пáна Мéжвы, сапóжника, в чьём вéдении нахо-
дýлась óбувь обитáтелей нáшего дóма.

Я óчень любил эту мáленькую Эдítку. Личико у
неё было крúглое, как яблочко, на щекáх — ямочки.
Смешливые кáрие глазá. А весёлая она́ была, как
щеглёнок!

Нáдо же, чтóбы я замéтил Эдítку, когда она́ была
ужé на середýне дворá! А там Разбóйник как раз вёл
на водопóй курíное стадо, и бédного Беляшá в том
числé... Плёлся наш Беляш, низвэргнутый курíный
владýка, позади́ всех кур, и вид у него́ был смирén-
ный и запуганный, как у сáмой забíтой квóчки...

— Эдка! Берегись петухá! — крикнул я в окнó.

А сам схватил зóнтик, на ходу́ открыл его́ и по-
мчáлся Эдítке на вýрчку.

Гляжý, Разбóйник, по своему́ обыкновéнию, ужé
взмахнул крыльями, кукарéкнул и больш́ими шагáми
двинулся к дéвочке.

Я óбмер: дýмаю — того́ и гляди́, выключет ей глаз,
пока́ я добегу́.

— Эдítка, беги́! — кричу́.

А она́, вмéсто того́ чтóбы бежáть, преспокойно при-
сéла на корточки. Гляди́т на петухá и смеётся во всё
гóрло. Смех у неё был звóнкий-звóнкий, как колоко́ль-
чик, и такой заразительный, что хочешь не хочешь, а
засмеёшься вмéсте с ней.

Смотрю́, петух́ остано́вился. Поглядéл на неё
одним крова́вым гла́зом, потóм друѓим. И как за-
кричи́т:

«Кукарéку!»

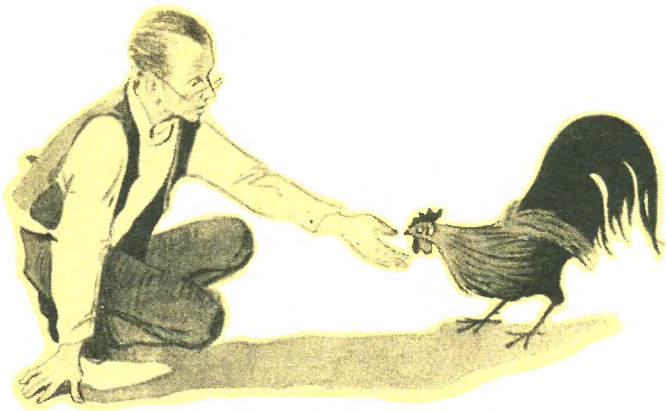
Но в́ этом кри́ке не́ было угрóзы, скорéе — удивлé-

ние. Потом Разбойник закудахтал глухо, словно кто пустую бочку по мосту покати́л, и снова приглядывается к девочке. А Эдítка накроши́ла немно́го хлéба — в руках у неё была́ краёшкa — и протя́гивает ладо́шку к петуху́. Разбойник покоси́лся на неё, погляде́л на её протя́нутую ру́ку и склю́нул кро́шку с ладо́ни. Одну́, второ́ую, трéтью...

Вид у меня́ был, должно́ быть, дово́льно глупый, потому́ что Эдítка, взгляну́в на меня́, расхохотáлась.

— Я никакíх зверей и птиц не боюсь, — говорит. — Боя́ться — это́ хуже́ всего́. А е́сли не бои́шься, са́мый ди́кий зверь не трóнет! Пойди́-ка сюда́, Разбойник, я тебе́ ещё́ хлéбца дам, — обращáется она́ к петуху́, кото́рый тем вре́менем уже́ отоше́л к своим ку́рам.

И что вы скажете?

Разбойник не только послушался Эдитки, но и позволил ей погладить себя по перьям.

Я сбегал домой, захватил там горсть крупы. Присаживаюсь на корточки возле Эдитки и протягиваю руку Разбойнику. Пришлось подождать, пока он наконец смилостивился и поклевал крупы. Но зато с этой минуты у меня с ним установились приличные отношения. Удалось даже помирить с Разбойником Катерину. Отныне, само собой разумеется, в нашем доме прекратились разговоры о курином бульоне с рисом.

Не думайте, однако, что Разбойник полюбил нас. Увы! Он просто позволял нам жить, терпел нас, но и только. Во дворе по-прежнему хозяйничал как хотел. Чужих не подпускал ни на шаг. Для одной только Эдки делал исключение.

Её он любил и ждал. Иногда вечерами он бывал уже таким сонным, что качался взад и вперед, тыкался носом в землю. Но стоило ему услышать звонкий смех «Щеглёнка», он кукарекал хриплым спросонья голосом и бежал во всю прыть к калитке или даже на

улицу, чтобы поскорее увидеть свою приятельницу. Я думаю, он любил и уважал её за смелость. Разбойник, что о нём ни говори, был петух рыцарского нрава и умел ценить мужество.

Вы, наверно, догадались, что в конце концов я преподнес Разбойника Эдитке. Как он вел себя на новом месте, не знаю. Знаю только, что он время от времени удостоивал нас своими посещениями, видимо решив не оставлять нас совсем без присмотра.

Он всегда появлялся неожиданно. Кукарекал и начинал наводить порядок. Продолжалось это до тех пор, пока не приходила за ним Эдитка. Тут он сразу затихал и покорялся. Маленькая Эдитка делала с Разбойником всё, что хотела.

Да кто, впрочем, мог бы не подчиниться девочке, у которой было такое мужественное сердце! Девочке, встречавшей опасность смехом, звонким, как серебряный колокольчик...

Д Р У З Ъ Я

Знаете, бывають щенята, котóрые тóчь-в-тóчь похóжи на клубóк бéлой шéрсти. До тогó пушйстые, что трóдно сказáть, где у такогó щенкá хвост, а где головá. И тóлько по трём чёрным пýтнышкам — глázкам и нóсику — мóжно узнáть, где собáчка начинáется.

Вот и мой Тупи был таким смешным шерстяным клубочком. Приобрёл я его в качестве чистокрòвного шпíца¹ Был он мýлый, лáсковый, слáвный пёсик и рос как на дрожжáх.

Но чем бóльше он рос, тем хóуже обстояло дéло с его порóдой. Признаюсь прýмо, дáже совсём хóудо! Не-

¹ Шпíца; шпиц — порóда собáк.

мáло находíлось таких людéй, котóрые при вíде моего Тупи выразíтельно крутíли нóсом. Иные бýли так неделикáтны, что прýмо в глазá емý говорíли, что он, Тупи, не что иное, как дворняжка. Сáмая обыкновénная дворняга! Нáдо вам сказáть, что, к счáстью, Тупи мáло обращáл внимáния на такие невежливые вýходки. Да и мы тóже. Рáзве о достóинствах челóвека сýдят по томý, что у него, скáжем, два родíмых пятнышка на носу íли, допýстим, курчáвые вóлосы?

Подýмаешь, вáжное дéло — порóда! Мы знáли, что Тупи пёс благородный по натуре, что он нас лóбит, и éтого нам бýло вполне достáточно.

Когдá Тупи стал красíвой, рóслей собáкой, в нём проснóлась жýлка зверолова. Он нáчал ходíть на охóту. Охóтился он на дíких крóликов. Несчётное мнóжество éтих вредных грызунов развелóсь в оврáгах вóзле Вíслы. Тупи промышлял¹ их всегда в одинокý. Никогдá не приглашáл с собóй на лóвлю никогó из нáших псов.

Вот идý я кáк-то днём глубóким яром; спускаю- щимся к Вíсле. Гляжý — на край обрýва мелькáет чтó-то óчень похóжее на хвост Тупи. Я свíстнул. Тупи тýвкнул: дéскать, слýшу. Ко мне, однáко, не идёт. Вёртится колесóm на однóм мёсте и опýть тýвкает. Явно, чтó-то егó там дёржит.

Наконéц я разглядёл, что Тупи мой недáром так забáвно вёртится. Он всё врéмя бéгает вокрýг когó-то, кто потихóньку спускается по

---

¹ Промышлял (промышлять) — здесь: ловил.

скату. Жду. И вдруг вижу — это рыжая такса¹

Таксе, как я мог догадываться, не так уж хотелось со мной знакомиться. Но Тупи делал всё, чтобы её уговорить: он что-то нашёптывал ей на ухо — видимо, страшно меня расхваливал. Могу только радоваться, что я не слышал этих похвал, а то мне, наверно, пришлось бы краснеть.

Наконец собаки спустились вниз. Тупи скачет, тявкает, бегает вокруг таксика, а тот стал ко мне боком и косится.

«Тупи мне, правда, много хорошего о тебе рассказывал, — говорит, — но кто знает, можно ли тебе вполне доверять?»

Сказал и я таксику несколько добрых слов. Он не очень возражал, когда я попробовал его погладить. Тупи был счастлив, полизал мне руку.

«Очень был бы рад, если бы вы подружились, — говорит мне. — Это мой самый большой друг!»

Ну, мало-помалу и мы с таксиком стали друзьями. Я назвал его Дудеком.

Долго я ломал голову над тем, откуда бы он мог взяться. Я знал всех такс в нашем городишке и даже в округе и был уверен, что Дудека я до сих пор ни разу не встречал.

А пёс был слишком выхоленный, чтобы можно было его принять за бездомного бродягу. Позднее мне пришлось убедиться, что друг-приятель моего Тупи был даже порядочно избалован. Наша собачья кухня, например, ему была не по вкусу. Он с презрением отворачивался от собачьих лакомств, которыми от души потчевал своего гостя Тупи.

¹ Такса — порода собак.

Вот в один прекрасный день приехала к нам знакомая, проживавшая в нескольких километрах от нашего города, и столкнулась с Дудеком; он как раз соизволил посетить Тупи.

— Джимми! Что ты тут делаешь? — вскрикнула она.

Таксик повернулся к ней боком и покосился довольно неуверенно. Видно, такая у него была манера держаться в тех случаях, когда он считал за благо выждать, что будет дальше. Тупи был менее сдержан: он подлетел к хозяйке таксы и приласкался к ней, как к лучшему другу.

Тут только и узнал я, что мой Тупи ходит в гости в Грубно и что такса делится с ним своими котлетками, а хозяйка таксы так любила моего Тупи, что хотела его оставить у себя. А самое забавное — моего Тупи, который, как известно, был неудавшимся шпицем, она приняла за сибирскую лайку и назвала его Морозом! Тупи и то и другое принял с поразительным спокойствием и даже умильно вилял хвостом, когда его называли совершенно чужим именем.

С тех пор мы оба — как я, так и хозяйка таксы — не волновались, когда наши собаки пропадали. Мы были уверены: беглец либо в гостях у друга, либо на охоте.

Так продолжалось всё лето. Когда начались осенние заморозки, Джимми, очевидно, решил, что погода не особенно подходит для дальних прогулок пешком. Однако он не хотел расставаться с Тупи и поэтому стал ездить к нему в гости. Да, ездить!

Таксик знал о том, что огородник из Грубно ежедневно привозит в наш городок на рынок овощи. С ним-то он и приезжал. Забирался к нему в телегу и прикапывал прямехонько в город. Тут на дворе поднималось великое веселье!

Иногда Тупи уводил таксу на большую свалку за казармами, где происходили оживлённые собрания лучшего собачьего общества. И там только Джимми показывал, на что он способен. Лаял он так пронзительно, что даже Лорда-добермана, чей голос слышался во всём городе, — и того не было слышно!

Но порой, в разгаре самого буйного веселья, таксик внезапно умолкал и пускался галопом в сторону рынка. Он бежал во весь дух, чтобы не опоздать. Умный пёс хорошо знал, когда огородник будет возвращаться домой.

Пришла весна, и вновь начался сезон охоты на кроликов. Прекратился даже обмен визитами. Целые дни обе собаки проводили возле кроличьих нор.

Я порой наблюдал за их работой и должен при-

знать, что такса проявляла необыкновенное терпение. Только истинный друг мог быть таким снисходительным. Судите сами. Мой Тупи считал, что охотиться — значит гонять дичь. Гонять с шумом, лаем, визгом. Как только ему удавалось заметить кролика, он очертя голову¹ кидался в погоню. И обычно дело кончалось тем, что преследуемый кролик в самый неожиданный момент шмыгал в нору и буквально перед носом охотника проваливался

сквозь землю. Тупи страшно огорчался. Он скулил, жалобно повизгивал, но кролика уже не было...

Джимми, наоборот, подкрадывался к кроликам потихоньку. Он умел и добывать их из нор. Шум, который поднимал Тупи, только спугивал дичь, мешал таксику охотиться.

Но никогда не приходилось мне видеть, чтобы Джимми ворчал на Тупи или скалил на него зубы. Самое большее — он потихоньку удирал от приятеля, устранившись на другой стороне пригорка и там подстерегал кроликов, которых лай Тупи выгонял из нор.

Так эта ничем не омраченная собачья дружба продолжалась два года.

Однажды Тупи отправился в охотничью экспеди-

---

¹ Очертя голову — не думая, безрассудно.

цию и не вернётся. Нё было его целую ночь. Утром он примчался запыхавшийся, весь измазанный землёй, с ободранными до крови лапами. Он отчаянно скулил. Всем своим видом он показывал мне: что-то случилось! Что-то такое, с чем он сам справиться не может. Он прыгал вокруг меня и тащил меня к садовой калитке. Я понял, что должен идти с ним. Мы вышли на улицу. Тупи то забегал вперёд, то вновь возвращался, лизал мне руки, торопил.

Дошли мы с ним наконец до оврага, где водилось больше всего кроликов. Тупи остановился над свежераскопанной норой. Нюхал, копал и ежесекундно тихонько повизгивал.

Нетрудно было догадаться, что произошло. Джими залез в нору, и его завалило землёй. Тупи не смог сам откопать друга и позвал меня на помощь.

Я сбегал домой за лопатой. Копали мы довольно долго. Наконец из-под земли послышалось сдавленное хрипенье. Тупи плакал от радости. Он всхлипывал, как человек.

Таксик уже еле дышал. Я отнёс его к ручейку, протекавшему по дну оврага. Обмыл его. Бедный песик открыл глаза, но продолжал лежать неподвижно. Встать он не мог. Я, как умел, пытался привести его в чувство. Вдруг смотрю — мой Тупи сорвался с места и опрометью понёсся куда-то.

Поглощённый спасением таксика, я не заметил, сколько прошло времени до возвращения Тупи. А вернулся он не один — с ним на дрожках приехала из Грубно хозяйка Джими. Видно, Тупи, не доверяя моим медицинским познаниям, решил привести её, чтобы она помогла мне спасти его друга.

Тáксика увезли́, и с тех по́р Тۇпи совсе́м пересели́лся в Гру́бно. То́лько когда́ Джими́мми на́чал поправля́ться, Тۇпи верну́лся домо́й. Выраже́ние мо́рды бы́ло у него́ тако́е ра́достное, что вся́кий бы по́нял: друг его́ ви́здоровел!

А через не́сколько дней друзья́ яви́лись вдвоём. Та́ксик был соверше́нно здоро́в.

И тут произошло́ не́что неожиданное.

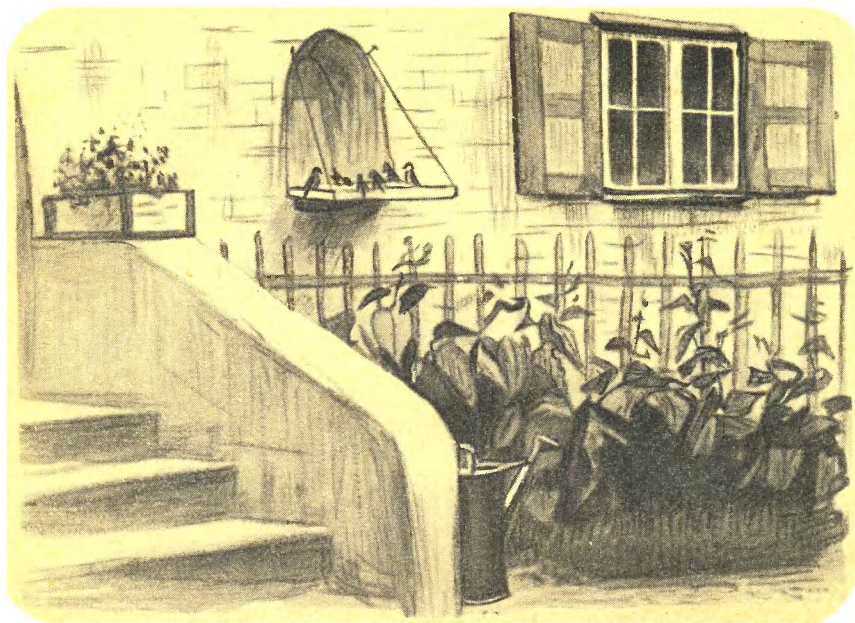
На́до сказа́ть, что Джими́мми-та́ксик никогда́ не́ был о́собенно ла́сковым. Пра́вда, он обы́чно ве́жливо ма́хал мне хвостом и позволя́л себя́ погла́дить, но э́то бы́ло все́. А тут он забра́лся ко мне на ко́лени и стал лиза́ть мне ще́ку!

Тۇпи ошалел от ра́дости. То пры́гал вокру́г меня́, то лиза́л Джими́мми мо́рду, то сно́ва принима́лся лиза́ть мне ру́ку.

«Наконе́ц-то все́ плохое́ минова́ло! — говори́л он. — И сно́ва мы все вме́сте! Ра́зве мо́жет быть бо́льшее сча́стье в соба́чьей жи́зни?»

Так скажи́те, ребя́та, са́ми: ра́зве не все́ равно́, тако́й у соба́ки нос и́ли сяко́й, е́сли у не́е тако́я душа́, как у моего́ Тۇпи?

МУЦ, БЕЗНОГИЙ ВОРОБЕЙ

Столовую для птиц я открывал поздней осенью. Помещалась она в стенной нише. Это было скромное заведение, с весьма неприхотливым меню: крошки, каша, иногда варёная морковь или петрушка.

Непрерывными гостями были там, понятно, воробьи. Между этими постоянными посетителями завелось у меня много знакомых. С некоторыми из них мы крепко дружили.

Но Муц был, несомненно, случайным гостем. Появился он впервые холодным, неприветливо-серым ноябрьским днём и за первое же своё посещение за-

платил увечьем. Я догадываюсь, кто его так искалечил. Тот самый старый вор-воробей с выщипанным хвостом и жуликоватыми глазами, который всегда поглядывал на меня насмешливо и свысока. Он нахально хозяйничал в моей столовой. Стучал по лбу всякого, кто приходился ему не по вкусу, устраивал массовые побоища, после которых в воздухе долго носились пух и перья, словно пороховой дым после битвы.

Бедный Муц был ранен в голову, одно крыло у него было надломлено, а правая нога висела только на тоненькой ниточке кожи.

Вылечить крыло было нетрудно, но вот нога... О том, чтобы она срослась, нечего было и мечтать. Что было делать? Пришлось отнять ему лапку, а к оставшейся культé шелковой ниткой привязать спичку. И вот Муц стал ковылять на деревянной ноге, постукивая своим протезом, как старый инвалид.

Долгое время воробышек не мог летать. В эту пору мы с ним больше всего и подружались: я не расставался с Муцем. И он привык к моему обществу. Бывал очень недоволен, когда я уходил из дому; радовался, когда я возвращался. А болтал со мной не умолкая, ибо был завзятым говоруном¹, как, впрочем, и все воробьи.

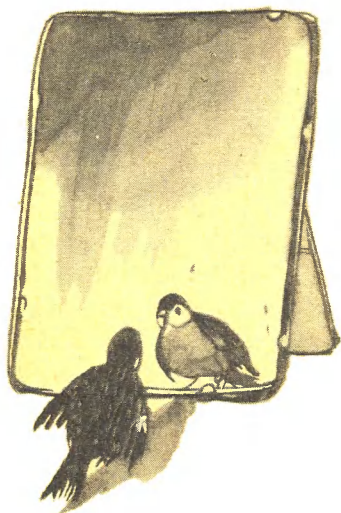
Муца всё интересовало. Всякий новый предмет он тщательно изучал: осматривал его со всех сторон, остукивал клювом, размышлял, вникал. А когда осмотр кончался, становился передо мной, наклонив набок голову, уставив на меня чёрные бусинки своих глаз, и допытывался:

«Это что? Скажи, что? Что?»

¹ Завзятым говоруном; завзятый говорун — человек, постоянно, с увлечением говорящий; здесь так насмешливо называют воробья.

Бóльше всего интересовал его будильник. Целыми часами вертелся Муц подле него, прислушивался к тиканью механизма, заглядывал снизу в чашечку звонка. Маленькое зёркальце на столе было для Муца тоже загадкой. Никак он не мог понять, что воробей, которого он видит перед собой, всего только его собственное отражение. Неутомимо пытался найти «того» воробья. То чирикал как только мог умильно, стараясь уговорить его выйти из укрытия, то сердито покрякивал на него, возмущался, растопыривал крылышки для атаки и клевал зёркало. Порой он горько жаловался «тому» воробью на своё одиночество. Прислушивался, ждал ответа. Обманутый в своих ожиданиях, глядел мне в глаза и говорил: «Одно мне только и осталось, бедному калёке, — дружить с тобой, с человеком. Должен всё же сказать, что твои поступки мне не очень понятны».

И верно, Муцек никак не мог понять, почему человек спит, когда солнышко уже встало и каждый воробей просыпается и начинает трудовой день. Едва лишь светало, Муц из клетки, куда я его сажал на ночь, кричал мне, что пора уже вставать. Чирикал коротко, звонко — раз, два, три — и замолкал. Прислушивался. Потом повторял свой зов — всё громче, всё настойчивее. В конце концов я вставал и подходил к клетке. Муц уже ждал возле дверки. Махал крыльями ликуя. Тут же вскакивал в

миску, начиналось купанье. Потом он чистился и охорашивался в ожидании, когда в столовой зазвенят тарелки. Как только он слышал, что накрывают на стол, летел туда немедленно, сразу усаживался возле своего блюдечка и терпеливо ждал моего прихода. Беседуя о том, о сем, мы завтракали. Муц ел всё. Обожа́л мя́со, особенно варёное. Не терпел только горчицы, перца и всяких соусов. Вздрагивал при виде соли, которую превосходно умел отличать от сахара.

Когда смеркалось, Муц начинал беспокоиться: он не любил ламп. Никак он не мог понять, почему человек не спит, когда солнце уже зашло. Усевшись подальше от света, нетерпеливо чири́кал и старался убедить меня, что от ночных занятий пользы мало. Наконец сам летел к своей клетке. Устраивался там и дремал. Но время от времени он просыпался и сонно, вполголоса выговаривал мне:

«Ещё не спишь? Пора спать! Спи!»

Так прошла у нас зима. Когда запахло весной, Муц оживился: он чистился, охорашивался, что-то напевал. Начал собирать нитки, лоскутки, тряпочки. Складывал все эти сокровища в своей клетке, всё время что-то приговаривая. Я понял, что мой Муц — не «он», а «она́» и что она́ мечтает о собственном гнезде, о семье.

Как-то мартовским днём Муц, никому́ ничего́ не доложив, вылетела через открытую форточку на волю. Легко́ было догадаться, зачём. На липе, что росла в

углу сада, уже начались оживлённые воробьиные совещания, игрались свадьбы, заканчивалось распределение квартир для молодожёнов. Я побаивался, не помешает ли счастью Муц её увёче. Прошёл день, прошёл другой. Муц вернулась. Съела всё, что нашлось, забрала свой лоскуток и улетела.

Вскоре я заметил, что у Муц есть муж, что молодожёны построили себе гнездо в абажуре на веранде и что они счастливы. Хотя я не могу сказать, чтобы лично мне муж Муц понравился. Был это, правда, рослый, красивый воробей, но дикий, трусоватый и полный недоверия ко мне. Ко мне, который безропотно согласился на протяжении нескольких длинных, жарких недель даже не заглядывать на веранду, чтобы ничем не омрачить счастье Муц!

Зато Муц была добра и мила за двоих. Когда только могла отлучиться от гнезда, прилетала ко мне, быстро съедала то, что я ей подавал, не переставая щебетать о своём счастье, и возвращалась к детям. Однако ещё лучше почувствовали себя мы с ней, когда этот грубиян, её муж, улетел от неё, сбежал. Вместе с ней мы радовались щебету четырёх малышей, которые становились всё крепче, но — что правда, то правда — и всё прожорливее. Пришлось мне самому заменить им бессердечного папашу. Я поднял на ноги всех знакомых сорванцов в городе. Скупал у них живых мух, дождевых червей. Ну, худо ли, хорошо ли, а воспитали мы с Муц из её детишек дельных воробьев.

Не обошлось, однако, и без несчастья. Когда Муц учила своих малышей летать, она каким-то образом сломала свою деревянную ногу. Пришлось заменить спичку, как слишком хрупкую, приличным протезом из тонкой проволоки. С такой искусственной ногой можно было без опаски садиться на любую ветку.

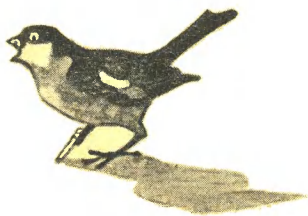
Хоро́шая получи́лась про́волочная нога́, скажу́ без хвастовства́!

Так споко́йно текли́ на́ши дни, пока́ не созре́ли хле́ба. Очеви́дно, в воро́бьи́ном ми́ре не полага́ется сиде́ть в э́ту по́ру до́ма, хоть бы э́тот дом и был та́ким госте-приёмным, как мой. Муц с детьмí полете́ла в по́ле подбира́ть зёрна. Гнездо́ опусте́ло, и с ли́пы, с я́сеней уже́ не доно́силось к нам знако́мого чири́канья. Прекрати́лось похище́ние са́хара, кусо́чков бу́лки в часы́ за́втрака и обе́да (молодые́ Муценя́та бы́ли прожо́рливы и счита́ли — справедливо́, впро́чем, — что всё в моём до́ме принадлежи́т им). Наста́ла, как при вся́кой разлу́ке, тишина́. Та тишина́, кото́рая рождает грусть.

Муц ещё́ не́сколько раз возвра́щалась домо́й. За-летáла в ко́мнаты, всё огляды́вала. Потóм сади́лась по́дле меня́ и спра́шивала, что но́вого. Вопро́сы её́ бы́ли ко́ротки, отрыви́сты, а смотре́ла она́ мне в глаза́ как-то то́же совсе́м по-другóму, чем пре́жде. Она́ бы́ла тепе́рь сильна́ и уве́рена в себе́. Видимо́, иску́ственная нога́ служи́ла ей прекра́сно.

К концу́ ле́та визи́ты Муц станови́лись всё ре́же, всё коро́че. Потóм во́все прекрати́лись. Муц пошла́ в жи́зни своёй со́бственной доро́гой. Пусть же ей жи́вется как мо́жно лу́чше!

Вот е́сли вы когда́-нибудь встрети́те воро́бья с про́волочной ного́й, переда́йте ему́ приве́т от меня́. Это, наве́рно, моя́ Муц!

УНИВЕРСИТЕТ НА ЯСЕНЕ

Перед нашим домом был палисадник. Справа, как войдёшь с улицы, росла большая, развесистая липа. Кольцом вокруг неё стояли стол и скамейки. Там мы летом полдничали. Но если случайно чаепитие затягивалось до захода солнца, надо было, хочешь не хочешь, убираться из-под липы. Почему? Потому что на этой липе ночевали воробьи. Тучи воробьёв. Целые воробьиные народы! Всё дерево — от верхушки до самых нижних веток — было осыпано ими. И перед сном они так шумно о чём-то совещались, что мы, люди, разговаривать никак не могли.

Эти воробьиные сборища разогнали с липы всех остальных птиц. Не помню случая, чтобы какой-

нибудь пернатый смельчак рискнул задержаться на этой облюбванной воробьями липе. А уж о том, чтобы построить там гнездо, и речи быть не могло! Лишь ворона, пролетая, присаживалась порой на верхушку липы — отдохнуть в пути. Но, едва успев оглядеться, с отвращением каркала и улетала.

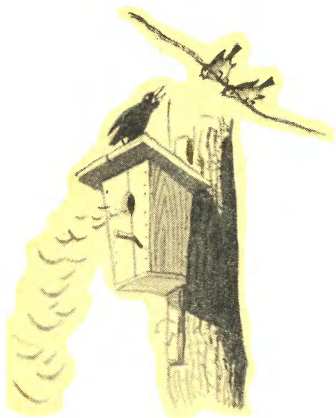
Зато на ясенях — на тех, которые росли возле террасы, — весной бывало полным-полно перелётных гостей. Они оставались там даже на ночь. Вероятно, потому, что им там никто не мешал: воробьи почему-то не любили этих ясеней и никогда там собраний не устраивали.

И совершенно напрасно. На презираемых воробьями ясенях можно было ночевать, не опасаясь никаких разбойников. На стволе каждого ясеня красовалось широкое жестяное кольцо. Для чего? Для того, чтобы нашей кошке Имке или какому-нибудь из её милых дружков не пришлось в голову залезть на дерево. Ну и, понятно, поохотиться там на наших гостей. С гладкой и твёрдой жёсти соскользнет всякий коготь, даже самый острый. О том, чтобы влезть на дерево, нечего и мечтать. Можно только снизу с аппетитом поглядывать на засыпающих пташек и облизываться. А это никому не вредит. Пожалуйста, сделайте одолжение!

На этих-то безопасных ясенях помещались скворечники. Три штуки. По одному на каждом дереве. Почему каждое лето из трёх птичьих домиков два пустовали, а только один был заселён, — этого я никогда не мог понять.

Зимой в эти скворечники обязательно вселялись воробьишки. Тут они квартировали до весны.

Прилетали скворцы. И та пара скворцов, которая намеревалась у нас поселиться, начинала с того, что выселяла из домиков непрошенных жильцов. Причём не из одного, а обязательно из всех трёх. Ну, был тут,

понятно, шум, писк, крик. Воробьи не так-то легко уступали!

Но наконец всё утихло. Из двух скворечников* свешивались наружу прядки побуревшего сена, натасканного туда за зиму воробьями. Эти-то клочки и были вернейшим признаком того, что скворцов в этих скворечниках нет. Почему? Да потому, что скворцы большие чистюли и ни за что не потерпели бы такого беспорядка у себя в детской, не говоря уже о гостиной или спальне.

И потому, кстати сказать, советую вам: никогда не садитесь под деревом, на котором висит скворечник. Спросите: отчего? Оттого, что пани Скворчинская не пользуется пелёнками для своих младенцев. Но так как она очень заботится о том, чтобы её детишки были всегда в чистоте и в доме было хорошо прибрано, она всё время наводит порядок: всё ненужное, грязное выкидывает за дверь. А ведь трудно требовать от захопотавшейся птичьей мамы, чтобы она следила, куда упадёт то, что ей нужно выбросить из гнезда, не так ли?

Птичье детство проходит быстро. Скворчата растут не по дням, а по часам. И наступает наконец такой день, когда молодёжи пора выходить из тихого домика на вольный простор большого мира.

Первый скворчинный шаг в жизнь всегда совершался одинаково. Тут же, возле самого скворечника, росла большая ветка, росла почти совсем горизонтально. Папа-скворец высккивал на эту ветку. Он ходил по ней взад и вперёд, потом начинал топтаться на месте,

всё время что-то приговаривая. А в круглом отверстии скворечника показывалась то одна, то другая головка с клювом, обрамлённым жёлтой каймой, — неоспоримый признак нежного возраста его владельца. Потом мальцы-скворцы по очереди выходили наружу и усаживались на палочке, укреплённой у входа. Папа-скворец что-то объяснял им, доказывал, убеждал. И наконец первый, самый отважный скворушка с отчаянным писком, трепыхая крылышками, спрыгивал на ветку.

Ему, по всей вероятности, было страшно. Иначе — зачем бы писк и трепыханье?

Но зато сколько нового, неизвестного, интересного открывалось взгляду с этой ветки! И это было только началом. Ведь папа-скворец вскоре перескакивал с этой ветки на другую, с другой — на третью, и птенцы следовали за ним — до самой верхушки ясеня!

Тёсная, душная комнатка в скворечнике и огромный, светлый мир, которым любешься с вершины ясеня, — какое тут может быть сравнение!

Не приходится, значит, удивляться тому, что скворушки порядком шумели. Они пищали, кричали от

ра́дости. Голоси́ли до хрипоты́!

Что ж, какой с них спрос! Быва́ют ведь да́же и ребя́та, кото́рые умудря́ются охри́пнуть в пе́рвый те́плый весе́нный день, когдá можно вво́лю набе́-

гаться по са́ду. По кра́йней ме́ре, могу́ назва́ть не́кую деви́цу, по и́мени Кри́ся. О други́х не упомина́ю. Ду́маю, и вы без труда́ найдёте таки́х «хрипуно́в» среди́ ва́ших знако́мых.

По́сле того́ как пе́рвый шаг в жизнь соверша́лся, начина́лись заня́тия са́мым ва́жным предме́том — нау́кой полёта. Внача́ле скворча́та обуча́лись на родно́м я́сене, перепархивая с ветки на ветку. За́тем па́паскворе́ц назнача́л своим учени́кам бо́лее тру́дные задáния. Наконё́ц ста́вилась задáча — перелететь на кры́шу на́шего до́ма. Туда́ переноси́лись и заня́тия. Все́ семе́йство скворцо́в уса́живалось рядко́м. Оте́ц что́-то растолко́вывал молодёжи, objáснял, показывал на приме́ре, а поро́й и сту́кал клю́вом како́го-нибудь озорника́, кото́рый, вме́сто того́ что́бы внима́тельно слу́шать и все́ выполня́ть как полага́ется, глаза́л по сторона́м, пропуска́я ми́мо уше́й слова́ старика́ отца́. И в результа́те взма́хивал крыло́м по́зже, чем сле́довало!

Через неде́лю... О, позанима́вшись неде́лю, скворча́та лета́ли уже́ так хорошо́, что нам приходи́лось срóчно привя́зывать полотня́ные ле́нточки и про́чие пугала́ на по́здних ви́шнях в саду́, ина́че приле́жные учени́ки не оста́вили бы нам ни еди́ной ви́шенки.

Так шло из года в год.

Наблюдая за скворцами, я был уверен, что старики учат своих детей только летать. Ну, может быть, ещё каким-нибудь птичьим наукам, которые им, скворцам, нужны, но о которых я, человек, не имею представления.

Но вот однажды — был это прекрасный знойный день в разгаре лета — слышу: кто-то щёлкает, точь-в-точь как соловей.

«Почудилось», — думаю.

Известно ведь — даже и пословица такая есть: «Придёт святой Вит — соловейка замолчит». Иными словами, в начале июня соловей перестаёт петь. Да и вообще соловей поёт только ночью.

А тут на дворе белый день и июнь давно миновал!

«Нет, не может быть, — думаю, — мне померещилось».

На всякий случай всё же прислушиваюсь. И снова слышу трели. Кто-то поёт — может, и не совсем как соловей, но, во всяком случае, очень похоже.

Осматриваюсь. Никакого соловья не видно, только на знакомой большой ветке перед скворечником сидят рядышком скворчата, а на другой, прямо напротив них, — старый скворец.

Батюшки мой, да ведь это он выводит соловьиные трели! А малыши подражают ему как умеют.

Я был изумлён и восхищён. Я понял: на этот раз передо мной не какой-нибудь там скворчинный детский сад, где малышам учат прилично вести себя и утирать нос платком. Это была школа, самая настоящая школа! Ведь старый скворец обучал своих детей иностранному языку. Точь-в-точь как вас, наверно, учат немецкому или, скажем, французскому. Он их учил «соловьиному». А когда кончилось обучение соловьиному языку, начались разговоры на языке йволги, дроздов...

Тут-то я впервые понял, почему у нас об остроумном человеке говорят, что его «скворцами кормили». Скворец, мой дорогой, это вам не кто-нибудь, а скворец! Самая умная птица на свете! Ну, какой другой птице придёт в голову обучать своих птенцов иностранным языкам, скажите?

Помню, пошёл я как-то в рощицу. Вдруг слышу — кто-то насвистывает хорошо знакомую мне песенку. У моей Криси была пластинка с этой песенкой, и она крутила её до бесчувствия. Кругом — никого. Поглядел вверх — вижу, сидит на ветке скворушка и знает себе насвистывает знакомую мелодию. Только не до конца, правда: обрывает где-то посредине, а потом опять повторяет сначала.

Тут уж я мог быть увѣрен, что это один из тех скворцов, кто получил образование в школе на моем ясене. В скворушкиной школе!

И, признаться вам по секрету, я очень горжусь, что у меня на ясене самый настоящий птичий университет.

РЕКСЯ И ПУЦЕК

(Повесть о щенячьих проказах)

I

Начнём с начала, ладно?

Есть на свете люди, которые любят собак. Держат собаку, даже двух. Редко у кого бывает больше, верно ведь?

Такие люди — это обычные любители собак.

А у меня в доме, должен вам признаться, сущий собачий приют. Гостиница. Целый собачий город.

Стоит мне увидеть где-нибудь под забóром щенка, стоит мне разок заглянуть в его мутные глазёнки, стоит ему разок махнуть хвостом... и сразу мне начинает казаться, что я не могу жить без этой псины. Именно без этой!

Что ж тут будешь делать?

Беру я такого найденыша на руки, несущего его, словно бог весть какое сокровище, к себе и пускаю во двор. Вот он и мой.

О людях пишут часто, а я решил писать о собаках. Люблю я их очень. Да и знаю их уж, во всяком случае, не хуже, чем людей.

Так вот и послушайте историю из жизни двух щенят. Если вам будет интересно, прошу об одном: любите тех, о ком будете читать. Я и все мои четвероногие питомцы будем вас вспоминать с благодарностью.

Начинаю.

II

Видите, как плутовато он скопил глаза?

Это он надо мной смеётся.

Почему?

А было так. Как-то появляется у меня некая тётка. Вижу, под шалью у неё что-то спрятано.

— Купите таксу! — предлагает она мне.

— Таксу? Настоящую? — спрашиваю.

— Алмаз чистой воды! — с восторгом уверяет тётка и достаёт из-под шали щеночка. Пятнистого.

Меня это немного удивило: отродясь не видел таксы с пятнами. Но, с другой стороны, смотрю — ноги у щенка восьмёркой, уши как лопухи, а сам он такой длинный, что прямо диву даёшься. Непонятно, почему у него не выросла посередке ещё одна пара ног — поддерживать брюшко. А так его розовое пузичко пол подметает.

Ступил щенок шаг, другой вперёд, потом попятился, сел и смотрит на меня своими голубыми пуговками. Потом зевнул — да как сладко, от всей души! Поднялся, подошёл ко мне и давай карабкаться на

колѣни. А глаз всё с меня не сводит.

Протянул я ему руку. Он лизнул.

— Вѣрный будет пёс, ласковый, — говорит тётка.

Но, видно, дёсны у него сильно чесались — тяпнул он меня за палец довольно здорово. Я даже зашипел от боли.

Тётка и тут не растерялась:

— Злой пёс! Хороший сторож будет! Одним словом, настоящая такса! И ласковая и злая! А умная — как человек! Берёте?

— Ох, дорогая моя, — говорю, — у меня их и так хватает! Стану я ещё покупать...

— Таксу? Настоящую таксу не хотите купить?! — возмущённо спрашивает тётка.

Я поморщился. А тётка как схватит щенка, как начнёт его вертеть на все стороны! То лапы его мне в глаза тычет, то хвост, то морду, то ушами его перед моим носом машет... А уж хвалит, а уж расхваливает! Послушать её — у самого короля лучшей собаки не бывало.

Наконец спрашивает она меня:

— Да была ли у вас когда настоящая такса?

— Не было, — признаюсь я смущённо.

— Так вы должны купить. Берите — и дело с концом. Оставляю вам собаку. За деньгами потом придё.

И ушла.

Тут уж ничего не попишешь! Подхватил я щенка, таксу эту самую, и понёс во двор.

Нашлась у меня корзинка, где когда-то жили щенята. Положил я туда соломы, постелил тря-

пок помягче, положил своё новое приобретение и хотел идти.

Куда там, и думать не смей!

Щенок мой вóет не своим гóлосом. Но как только вернусь — сразу затихает.

«Ишь ты, — думаю, — что значит порóдистый пёс! С капризами! Всё как полагается».

Взял я корзинку, отнёс в кухню. А по дороге решил, что такому необыкновенному щенку и имя надо дать необыкновенное.

«Не будешь ведь такого принца звать Дружком или Шариком. Назову-ка я его Рексом — по латыни это значит «король».

Рекс мой, очутившись на кухне, и не подумал успокоиться. Он, правда, всё обнюхал — заглянул во все углы, даже залез под шкаф (откуда я его вытащил с большим трудом) и, казалось, уже освоился; но едва я попробовал оставить его в одиночестве — снова начался концерт!

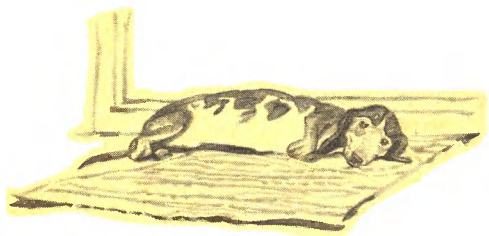
Решил я не сдаваться. Ты так — и я так! Ушёл и дверь захлопнул.

Щенок скулил, визжал, плакал... Наконец заснул. Проспал до самого вечера

Но зато что было ночью! Вопил он так, что мне пришлось таки забрать его в комнату.

Я думал, он хоть теперь даст мне уснуть. Но не тут-то было! Отоспавшемуся Рексу захотелось поиграть, и он полночи прыгал, трепал мой

туфли, терзал диван и угомонился только, когда с разбегу треснул мордашкой об ножку стола. Видимо, тут он счёл дальнейшие экскурсии по тёмной комнате небезопасными.

С тех пор этот проказник окончательно забрал меня в лапы. Никогда у меня такой озорной собаки не было! Что правда, то правда: я сам был виноват в том, что он так распустился. А распустился он, как говорится, как дедов кнут! Всё я ему прощал, всё позволял!

Рексик мой ни на минуту не терял хорошего настроения; на аппетит ему тоже было бы грешно жаловаться.

На остальных наших собак он смотрел свысока. Первым лез к миске, вырывал изо рта у них самые вкусные куски, к своей корзинке никому не позволял подходить — словом, вёл себя так, будто был самым главным во всём собачьем семействе.

«Я, мол, такса, — и дело с концом! А вы — шантрапа!»¹

Ну и, понятно, не раз ему за это доставалось от товарищей. Каждый раз он с воплями прибегал ко мне жаловаться. Но неужто я стану вмешиваться в собачьи ссоры. Ещё чего не хватало! Попало зазнайке — значит, поделом!

И Рекс, видимо, пришёл к убеждению, что лучше всего ни с кем не водиться. Обычно он лежал на пороге и глазёл на улицу.

---

¹ Ш а н т р а п а — здесь: пройдохы, сброд.

III

Однажды влетает мой Рёксик в комнату в ужасном волнении. Носится вокруг меня, тявкает, прямо стелется по полу.

— Чего тебе, Рёксенька? — спрашиваю.

А он всё вертится вокруг меня: то выбежит из комнаты, то вернётся, то опять выбежит.

— Пойти с тобой, что ли? — спрашиваю его и делаю несколько шагов к выходу.

Рёксик совсем распластался на полу. Потом вскочил на секунду на улицу, опять вернулся. Остановился на пороге, весь дрожит от нетерпения и глаз с меня не сводит.

«Ну, скорей, скорей!» — тявкает.

Я вышел. Рекс кинулся в кусты. Слышу, кто-то пищит, скулит. Прислушиваюсь. Как будто два голоса. Жду. Через минуту из-под куста сирени вылезает

Рекс, а за ним выкатывается какой-то пёстрый шарик. Рёксик его подгоняет, уговаривает.

«Иди, иди, не бойся, — говорит, — тут люди хорошие, никто тебя не обидит!» — и смотрит то на меня, то на перепуганного пёстрого щенка.

Потом остановился на пороге, завилял хвостиком и уставился на меня с таким умильным выражением, какого я ещё никогда не видел.

«Это мой новый друг, — говорит. — Я пригласил его к себе в гости. Мы его хорошо примем, правда?»

Я не возражал. И Рекс вскоре уговорил своего пугливого приятеля войти в сени. Там он больно укусил его за ухо, когда тот попытлся от моей протянутой руки.

«Надо быть вежливым! Не срами меня! — рычал он сердито. — Хозяина нужно уважать! Вот как делают воспитанные собаки!» — ворчал Рекс. Он лизнул мне руку и весело запыгал.

Пришлось и мне показать своё гостеприимство. Ведь, что ни говори, друзья наших друзей — наши друзья! Пригласил я приятеля Рёксика «на блюдечко молока». У самого Рёкса слюнки текли, но, надо ему отдать справедливость, он не притронулся к молоку. Зато друг его вылизал всё дочи́ста — хоть не мой блюдечко.

Друзья отправились во двор. Рёксик водил гостя по самым интересным местам. Показал ему лохань с помоями. Сводил и к мусорной яме. Даже взобрался на приступку хлева, уговаривая навестить свинку, у которой в корыте попадались кое-какие вкусные вещи.

В общем, гость остался у нас навсегда.

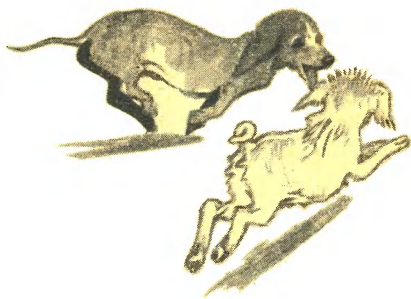
Кто-то невзначай назвал его Пүцеком. Так и мы стали его звать.

Не приходилось мне видеть такой дружбы, как

мѣжду Пўцеком и Рѣксом: онѣ не расставались ни на минутѹ.

Пўцек поселился на дворѣ; вскорѣ переселился туда и его неразлучный Рѣкся. Он уже не лежал на порогѣ, не глазел на улицу.

Не могу не признаться: Рѣкся был хорошим, верным другом, и я простил ему за это даже то, что он оказался не совсем настоящей таксой. Не так уж это важно — была бы душа настоящая.

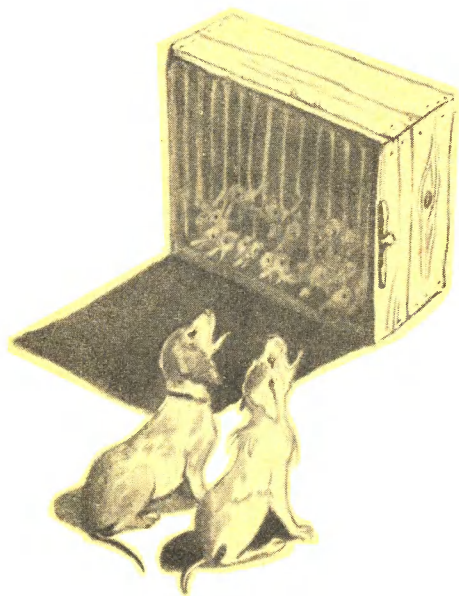
IV

Спустя несколько дней после появления Пўцека привезли к нам во двор ящик. То был не обычный ящик: вмѣсто крышки была у него решѣтка из деревянных прутьев. Да и груз в этом ящике был не простой.

Груз орал во все горло. Прособывал мѣжду прутьями желтенькие головки и беспомощно мотал ими. Груз, широко открывая красные клювики, жаловался на свое заточение.

Дома, как на грех, никогó не было. За исключением, разумеется, собак. Старые собаки издали покосились на утят, отчаянно пытавшихся вырваться на волю, и отвернулись. Не хотели связываться с этой крикливой публикой.

Зато Рѣкся и Пўцек приняли невзгоды утят близко к сердцу. Оба уселись перед ящиком — и в рев. Особенно Пўцек, который был от природы ужасным плаксом: по любому поводу хныкал!

Рёксик говорит ему сквозь слёзы:

«Брат! Неужели мы позволим мучить таких славных птичек?»

«Не позволим!» — стонет Пуцек.

«А что же мы сделаем?» — спрашивает Рёкса.

«Не зна-а-а-ю!» — захлёбывается в отчаянии Пуцек и даже голову запрокидывает на спину.

«Что, если бы нам поломать прутья?» — предлагает Рёксик.

«Полома-а-ать! Да как их полома-а-ешь?» — ноет Пуцек.

«Зубами!» — рычит Рекс.

«Ну, ломай!»

«Ломай сам!»

Пуцек вцепился в прутья зубами. Трах, трах! Одного уже нет! Тресь! Вот и второй прут готов. Утята вырываются на волю. Пуцек этого не видит, зато Рёкса всё замечает. Он перестаёт плакать и один глаз у него даже смеётся. Ещё бы! Эти жёлтые пушки так смешно двигаются! Забавно семенят лапками, вертятся, как шарики. О-го-го, один уже растопырил крылышки и собирается удрать.

«Держи, лови!» — кричит Рёкса, который не может спокойно видеть ничего движущегося. — Пуцек, заходи сбоку!»

Он, как бóмба, врѣзался в самую гу́щу утя́т.

«Кря, кря, кря! Разбо́й, карау́л! Спасáйся кто мо́жет!» — заголоси́ли утя́та.

И поско́льку кры́лышки у них бы́ли уже́ дово́льно крѣпкие, утя́та оторвали́сь от земли́ и, подска́кивая, как золоти́стые мя́чики, кину́лись врассыпну́ю.

Большинство́ утя́т брóсилось, естѣственно, туда́, отку́да доно́сился к ним го́лос почтѣнной, ста́рой у́тки, как раз и предназна́чавшейся в наста́вницы всем э́тим приѣзжим ути́ным ба́рышням.

Щеня́та — за ни́ми. Увлечѣнные погóней, они́ огляну́ться не успе́ли, как оказа́лись на террито́рии пти́чьего двора́, в куря́тнике.

Куря́тник! Беда́ соба́ке, в о́собенности ма́ленькой собачо́нке, кото́рая осме́лится показáться в кури́ном ца́рстве!

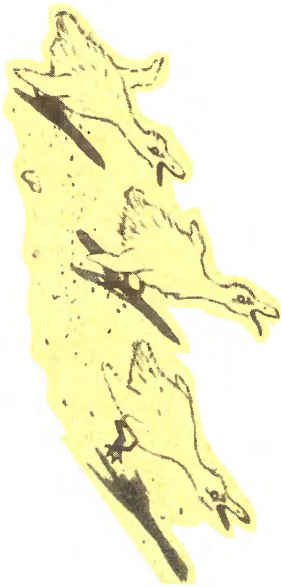
Умные, ста́рые псы́ туда́ никогда́ и не загля́дывали. К чему́? Ра́зве прили́чная соба́ка ста́нет есть ячме́нь и́ли про́со?

И то́лько малолѣтние щеня́та, кото́рым ну́жно всю́ду совáть нос, ску́ки ра́ди иногда́ забира́лись в за́прѣтные преде́лы.

Ра́за два был там и Ре́ксик. Не найдя́ ничегó, что сто́ило бы положи́ть на зуб, взял и вы́пил у кур всю во́ду. Мо́жно подумáть, что на дворе́ не́ было воды́. Да ско́лько уго́дно!

Но тако́ва уж щеня́чья нату́ра: чужо́е, за́прѣтное всегда́ сла́ще!

Рекс получи́л тогда́ основáтельный нагоня́й от ста́рой насѣдки Лысу́хи, кото́рая, как говорит-

ся, никому не позволяла дуть себе в кашу¹

И вот сейчас, оказавшись в курятнике, Рёксик снова увидел Лысуюху, на которую точил зубы с тех самых пор.

Об утятах, попрытавшихся по углам, обещанка уже позабыли.

«Эй, Пуцек, — говорит Рёкся, — видишь вон то облёзлое помелó?»

«Виджу. А что?»

«Нравится, а?»

«Гадость!»

«А знаешь, что она про тебя говорит?»

«Интересно!»

«Будто ты её боишься».

«Пусть лучше меня не задевает!» — напыжился Пуцек.

«На весь двор тебя позорит. Не веришь — спроси у Чапы!»

«Я ей покажу!» — рывкнул Пуцек и кинулся на Лысуюху.

Наседка — бежать.

«Что, что, что? Как, как, как? Кйцек, Кйцек!»

Кйцек — белый петух — в это время важно, словно князь, разгуливал по курятнику. Скребнёт ногой раз, скребнёт друго́й... Тут зёрнышко, там червячок!

---

¹ Никому не позволяла дуть себе в кашу. — Польская поговорка. Соответствует русскому выражению: не давала себя в обиду, не позволяла себя обидеть, умела за себя постоять.

Шума и гама Кйцек терпѣть не мог. Он покосился в ту сторону, откуда неслись Лысѹхины вопли, и спросил:

«Кто это там раскудѹхтался? Что такое? Что такое?»

И тут он увидел щенят. Он сразу всё понял.

«Ах, опять этот щенок? Как он посмел? Вот я его!» — сердито закричал петух. От злости у него даже гребешок налился кровью.

«Эй, Чернуха! — позвал он большую черную курицу, которая спокойно рылась в песке. — Чернуха, иди сюда!»

Старый хитрец Кйцек любил действовать исподтишка, из засады. Вместе с Чернухой он спрятался за выступом стены и стал ждать.

Первым пробежал мимо засады Рѣксик.

«Налетать?» — спрашивает Чернуха.

«Этот уже учёный. Подожди».

Следом за Рѣксей мчался Пўцек. И едва он оказался в поле зрения, как петух заорал во всё горло:

«Бей его! Наподдай, чтоб помнил нас!» — и коршуном упал прямо на голову Пўцеку, подмял и оглушил его.

А Чернуха вскочила щенку на спину.

«Клюй, клюй! — кричал Кйцек. — Белянка, давай сюда! Бери его в клещи!»

Бедный Пўцек растянулся на земле. Как град, сыпались на него удары клювов. Вся шерсть на нём встала

дыбом от страха. А глаз — тот, который он ещё мог открыть, — прямо-таки вылезал на лоб.

«Ай-ай-яй-яй! — жалобно скулил он. — Больше не буду! Никогда не буду!»

Рекс кинулся на выручку.

Он хотел, очень хотел спасти друга! Схватил даже Кйцека за хвост, у Чернухи вырвал несколько перьев. Но, увы, неприятель был сильнее! Мужественный Рекс получил здоровенный удар в нос. Через минуту из уха у него закапала кровь...

И под давлением превосходящих сил противника Рекс оставил поле боя. Правда, он отошёл всего на несколько шагов и оттуда ругал кур последними словами.

«Хам Кйцек, Кйцек — хам! Чернуха — грязнуха! Белянка — хулиганка!»

Увы, куры не обращали ни малейшего внимания, не принимали вызова.

Они клевали и клевали — безжалостно и безостановочно.

Наконец Кйцек устал и крикнул:

«Хватит с него! Бегй, лопухий!»

Пуцек, визжа, вылез на волю.

«Попало?» — спрашивает Рексик.

«Да-а, я бы им показал, если бы нога не подвернулась!» — отвечает Пуцек и припадает на ногу, которая, надо сказать, болела у него уж во всяком случае не больше, чем голова и бока.

«Погодите, я вам ещё дам! — залаял он на кур и поскрёб землю задними ногами. — Хамы!» — тъякнул он напоследок и пошёл прочь.

Друзья реши́ли, что на дворе́ им бо́льше де́лать не́чего. Тем бо́лее, что во́зле ути́ного я́щика появи́лась уже́ Катери́на. Она́ заме́тила на мо́рдочке Ре́кса жёлтые пуши́нки, попа́вшие туда́, ну коне́чно же, чи́сто случа́нно, и реши́тельными шага́ми напра́вилась в его́ сто́рону. А в руке́ у неё был. оди́н из прутьев, вы́ломанных Пу́цком.

«Беги́ в сад!» — успе́л кри́кнуть дру́гу Рекс и ползко́м проти́снулся ме́жду ко́льями садо́вой огра́ды.

«Ай-ай!» — взвизгну́л Пу́цек. Прут дово́льно чувствительно́ прошёлся по его́ спине́. За́тем и он проле́з под и́згородью в сад.

«Что, бо́льно?» — спроси́л Рекс.

«Ой, как бо́льно!» — захны́кал Пу́цек.

«Ты всегда́ скули́шь! — огрызну́лся Ре́кса. — Не зна́ю да́же, брать тебя́ с собо́й и́ли нет!»

«Куда́? — спроси́л Пу́цек, мгнове́нно перестава́я хны́кать. — Ты ду́маешь, я с ней не сла́жу? Ого́! Ещё́ как! Бу́дет она́ меня́ по́мнить!» — хорохо́рился он.

Рекс, ниче́го не отве́чая на э́ту похва́льбу, пусти́лся рысцо́й по садо́вой доро́жке, ме́жду ку́стами смо́ро́дины и крыжо́вника. Пу́цек побежа́л за ним.

Со двора́ доно́сился крик Катери́ны:

— Не соба́ки, а бо́жье нака́зание! Уты́т распуга́ли! Ути, у́ти, уть-уть-уть! Ну, погодите́, бессове́стные тва́ри, я ещё́ с ва́ми разде́лаюсь!

«Бессове́стные тва́ри» слы́шали э́ти угро́зы, но не о́чень волнова́лись: они́ бы́ли уже́ за и́згородью!

«Пойде́м пока́жем ей, что мы её́ не бо́имся, — предло́жил Ре́кса. — Айда́, подра́зним её́! Пусть позли́тся!»

И оба́ щенка́ сверну́ли на доро́жку, кото́рая шла́ вдоль и́згороди. Уве́ренные, что они́ нахо́дятся в по́л-

ной безопасности, бесстыдники дерзко смеялись прямо в лицо рассерженной Катерине.

Но у Катерины было под руками ведро, и она окатила щенят водой.

«Ай-ай!» — взвизгнул на этот раз уже Рексик, которому досталось больше. Он поспешил скромно убраться в кусты.

«Что, испугался?» — поддразнил его Пuceк.

«Это я-то? Её-то? Скажешь тоже! — гордо отвечал Рекс. — Ведьма старая!» — залаял он на Катерину, поднимая туши песка задними ногами. Но хотя он прямо кипел от злости, держался он, не будем скрывать, на почтительном расстоянии от ограды и удалился, пожалуй, быстрее, чем следовало.

Верный Пuceк несся за ним.

Друзья обежали весь сад. Заглянули во все угол-

кí, исслéдовали кáждый куст, обнóхали все следы́, котóрые тóлько могли́ найтí на дорóжках, на травé. Пúцек набрёл на старóую кротóвую норóу.

«Кто тут живёт?» — спрашивает он Рёкса.

Рекс, разумéется, и сам не знал, кто тут живёт. Он отродя́сь не ви́дел живóго кротá. Но рáзве мог он спасовáть перед Пúцекoм? Рáзве мог признáться, что какáя-то дырá в землé скрывает тáйну, невéдомую ему́, Рёксу?!

«Никогдá не думал, что ты такой óлух, — вáжно отвéтил он. — Ты что, прáвда не знáешь, кто тут живёт?»

«Не знáю, — чéстно признаётся Пúцек. — А ты знáешь?»

«Знáю».

«Так скажи».

«Стáну я ещё́ всякому́ рассказывать! — фýркнул Рёксик. — Копáй — сам узна́ешь!»

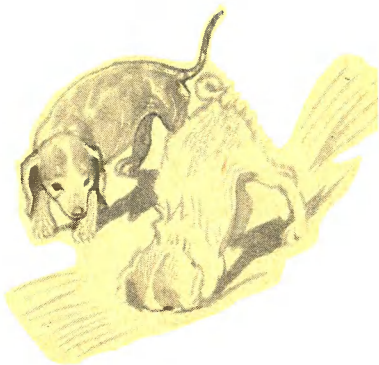
Пúцек с жáром принялся за дéло. Он выворáчивал лáпами огрóмные кóмья, поднимáл тóчи пескú. Вскóре заporошил себе́ глазá, набрáл пóлный нос пы́ли. Врéмя от врéмени ему́ приходíлось отфýркиваться. Он поря́дком запыхáлся, но затó вы́копал такую́ яму́, что мог всúнуть туда́ всю гóлову.

«Ну как? Есть?» — спрашивает Рекс.

Пúцек сúнул нос в яму́, потяну́л вóздух раз, друго́й, фýркнул, ещё́ раз поно́хал...

«Мышь не мышь, — говорíт. — Чую́ чтó-то, а что — не пойму́!..»

«Дáй-ка я!» — провор-

чал Рёксик и оттолкнул Пúцекá от норы. Сунул туда мóрду, потóм обошёл вокрúг ямы, ещё раз понюхал, посопёл и говорит:

«Не умéешь копáть!»

«Пожáлуйста, копáй сам!» — бúrкнул Пúцек, котóрый ужé ног под собóй не чуял от устáлости.

«Поня́тно, бúду копáть!» — проворчал Рекс и заработал лапами с быстротой машины.

Пúцек сидел вóзле норы и дожидáлся.

«Сейчáс, сейчáс, — хриплым гóлосом приговáривал Рёксик. В гóрле у него́ было ужé полно́ пыли. — Вот, вот сейчáс! Ужé слышу его́! Ты слышишь?»

Пúцек насторожил úши, наклонил гóлову на оди́н бок, на друго́й и говорит:

«Ничего́ не слышу!»

«Зна́чит, глухой ты!» — сердито тявкнул Рекс и принялся копáть ещё энергичнее.

«Ну как, есть?» — спрашивает через некоторое время Пúцек.

«Дурáк! — крикнул Рекс. — Конечно, есть! Тóлько зна́ешь, что я дúмаю?»

«Ну?»

«По-мóему, его́ нет дóма».

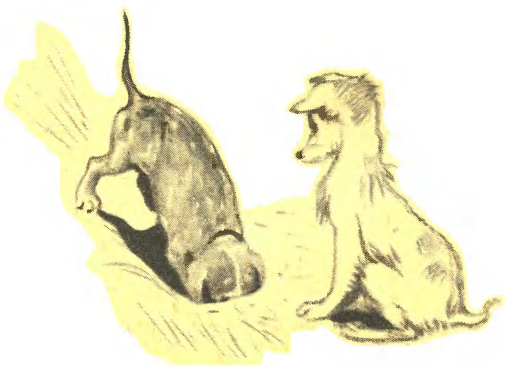
«Тогдá и копáть нéзачем!»

«И я так считаю. Зайдём сюда́ попóзже».

«А кто же это́ всё-таки?» —

опять спрашивает Пúцек, показывая на нору́.

«Ещё раз спросишь — влетит те-

бѣ по первое число!»¹ —
огрызнулся Рѣксик и по-
бежал куда глаза гля-
дят.

По дороге попался
ушат, забытый Катери-
ной. На дне ушата было
немного бурды — остат-
ки свиного корма. Пу-
цек, которому очень хо-
телось пить, полѣз было в ушат. Рѣксик его от-
толкнул.

«Ишь какой! Всегда тебе первому? А другим, ду-
маешь, не хочется пить?»

«Что-то эта вода невкусно пахнет», — предупре-
дил его Пуцек, успевший уже понюхать содержимое
ушата.

«Ничего привередничать, — наставительно замѣ-
тил Рѣксик. — Даже если сначала кажется невкус-
но — пей! Привыкнешь — понравится».

И сунул голову в ушат. Он долго, упорно лакал
прокисшую бурду, хотя ему было очень противно.

Пуцек смотрел на ушат и облизывался.

«Теперь ты пей», — наконец позволил Рекс.

«А хорошая вода?» — спросил Пуцек.

Рѣксик, может быть, и ответил бы ему, но вдруг
его так затошнило, что он опрометью кинулся прочь.
Разумеется, чтобы не портить другу аппетита.

VI

За садом была лужайка. На ней паслись две коро-
вы. Пуцек, который до сих пор никогда коров не ви-
дел, так как хлев был отгорожен от остальной части
подворья высоким забором, остановился в изумлении.

¹ Влетит тебе по первое число — здесь: сильно тебя
изобью.

«Это что ж такое?» — шёпотом спросил он Рёкса.

«Это, брат, ходячее молоко», — отвечал Рекс тоном собаки, которой всё на свете известно.

«Молоко-о-о?» — ещё больше изумился Пúцек.

«Да-с, молоко, — скупающим тоном ответил Рекс. — Понюхай — убе-

дишься! И вообще перестань мне надоедать! Всё ему расскажи, всё ему растолкуй!» — отрезал он. Хлёбово, которого он наакался, всё ещё давало себя знать: бедному Рёксу было очень плохо.

Пúцек, вытянув шею, принюхивался.

«Правда, пахнет молоком», — подтвердил он.

«Тó-то! — прикрикнул Рекс. — Не говорил я тебе?»

«А где же у них молоко?» — спрашивает робко Пúцек.

«Вóзле хвостá».

«Вóзле хвостá?»

«А ты думал, где?»

«А если потянуть за хвост, что будет?»

«Что, что!» — передразнил Рекс. По правде говоря, он и сам не знал, что будет, если потянуть корову за хвост. Но неожиданно для самого себя выпалил: — Польётся молоко!»

«Молоко польётся?» — поразился Пúцек.

«А ты думал, как? Эх, Пúцек, какой ты ещё глупый!» — усмехнулся Рекс. Тошнотá, слава богу, как будто проходила.

«Ох, я бы сейчас выпил молока!» — вздохнул Пúцек.

«И я», — согласился Рекс.

«Ну, так как же?»

«Ты лови вон ту, пёструю, а я бую!» — командовал Рекс. Он вообще не любил долго раздумывать.

Друзья ринулись вперёд. Но не так легко схватить корову за хвост, как это кажется на первый взгляд! Небо хмурилось, и мухи, как всегда перед дождём, отчаянно кусались. Коровьи хвосты были в непрерывном движении, кисточки их так и мелькали перед глазами щенят.

«Хватай!» — крикнул Пuceк, наконец вцепившись зубами в Пеструхин хвост.

«Есть!» — отозвался Рекс, повиснув на хвосте Бурёнки.

Возгласы эти были, правда, несколько приглушены, ибо рты у щенят были заняты, но друзья и так понимали друг друга.

Коровы, почувствовав на хвостах какую-то тяжесть, вначале не обратили на это внимания: трава была слишком сочная и вкусная. Они продолжали как ни в чём не бывало обмахиваться хвостами.

«Ай-ай!» — завопил Пuceк, треснувшись с размаху лбом о коровьи рёбра.

«Не выпускай, не выпускай! Ай-ай!» — крикнул Рекс, в свою очередь приложившись к Бурёнкиному боку.

На беду, коровам скоро надоели эти грузы на хвостах. Они начали размахивать хвостами с такой быстротой и силой, что щенятам пришлось напрячь все усилия, дабы не полететь, как камень из пращи¹.

«Ой, ой!» — визжал Пuceк.

«Держись, держись!» — подбадривал его Рексик, описывая в воздухе головокругительные фигуры на коровьем хвосте.

¹ П р а щ и; п р а щ а — древнее ручное орудие для кидания камней.

«Худо мне от той карусели!» — жаловался Пучек.

«И меня мучит! Но надо терпеть!» — отвечал Рекс.

В этот момент хвост выскользнул у Пучека из зубцов.

«Погибаю!» — успел крикнуть Пучек. Он описал в воздухе красивую дугу и шлёпнулся оземь с такой силой, что распластался на траве, как лягушка.

Пеструха, почувствовав облегчение, сделала несколько шагов вперёд. Бурёнка заметила, что Пеструхин хвост освободился, и ей стало завидно.

«Ну-у, погодь!» — промычала она, оглянувшись на свой хвост. И как лягнёт обеими ногами назад! Счастье Рекса, что копыто не угодило ему в голову. И так у него искры из глаз посыпались!

Он отлетел на несколько шагов, много раз перекувырнувшись по дороге. Сел. Осмотрелся. Пучек подковылял к нему.

«Видно, не пить нам сегодня молока», — грустно произнёс он.

«А где ты видел, чтобы пили молоко, когда солнца нет на небе?» — заворчал на него Рекс и начал усиленно чесаться, растирая побитые кости.

Кап, кап, кап!

Одна за другой с неба начали падать капли. Всё чаще, всё чаще...

Пучек, очень не любивший дождя, обратился в бегство.

«Домой, домой!» — кричал он.

«Беги, беги! Там тебя Катерина дожидается!» — залаял ему вслед Рекс.

Пуцек остановился. Ему что-то не хотелось встречаться с Катериной. Он хорошо помнил, что от неё уже получил, и догадывался, что это был только задаток.

«Ну, что ж не идёшь?» — дразнил Рёксик.

«Успеется!» — отвечал Пуцек.

Он, словно и не собирался домой, принялся гоняться за коровами. Бегал вокруг них, тявкал, не забывая, правда, держаться на безопасном расстоянии от их рогов и копыт.

Скоро, впрочем, эта забава ему надоела.

Дождь лил всюю. Пёсик намок, как губка. Он, словно в лихорадке, щёлкал зубами.

«Что, замёрз?» — спрашивает Рекс.

«З-замёрз!» — признаётся Пуцек.

«Ну и дурак! Кто же это бегает по дождю? Когда с неба течёт, надо прятаться!»

«Хорошо тебе говорить: «Прятаться!» А куда?»

«За мной!» — приказал Рёксик.

Поджав хвост, он зарылся туда, где под навесом стоял маленький стожок сена. Рекс взобрался на сено. За ним и

Пўцек с разбѣгу прыгну́л на стог. Но бѣдный пѣсик так отяжелѣл от воды, пропитавшей его пушистую шерсть, и так устал, что никак не мог влезть на сѣно.

«Лезь!» — командует Рекс.

«А я не могу-у!» — хнычет Пўцек.

«Лезь, когда тебе говорят!»

«Не могу-у! Домой хочу-у!»

«Сопляк! — с презрением проворчал Рекс. — Заучился я с этим растяпой! Пўцек! Последний раз говорю: влезешь или нет?»

«Не могу, честное щенячье, не могу-у-у!» — плачет-заливается Пўцек.

«Ну, смотри же — вот как влезают!»

«Я знаю, как влезают, да никак не влѣзу-у! Хныхны-хны! Помогй!»

Ничего не подѣлаешь! Пришлось Рѣксу слезть. Он ухватил Пўцека за шиворот, долго трудился — сопел, пыхтел. Наконец втащил друга на сѣно.

«Заруби себе на носу: если будешь ныть, так тебе дам, что Кйцека вспомнишь! Понятно?» — сердито крикнул Рекс на Пўцека и, чтобы тот лучше понял, довольно основательно тяпнул его зубами.

Пўцек отскочил в сторону и, как мячик, покатился вниз. Бедняга угодил в яму, образовавшуюся, когда Катерина брала сѣно.

«Спасите!» — успел он крикнуть отчаянным голосом.

«Дождайся! Так тебе и надо!» — с насмешкой ответил Рѣксик, заглядывая в пропасть, на дне которой лежал полуживой от страха Пўцек.

Но то ли сѣно на краю ямы было слишком рыхлое, то ли Рѣксик неудачно поставил ногу — словом, не успел он ахнуть, как свалился на своего приятеля.

«Вот видишь! И ты провалился! А хвастался!» — говорят Пўцек.

«Я и не свалился вóвсе, а сам спры́гнул! — гордо отвечáл Рекс. — Всегдá в дождь сплю тут, в сáмом низу! Уютно, хорошó! Нигдé лúчнее не вы́спишься!» — добáвил он, свёртываясь клубкóм и зевáя.

Пúцеку тóже не оставáлось ничегó лúчного, как уснúть. Он улёгся на сéно, прикры́л нос хвостóм и захрапéл.

VII

Скóлько верёвочке ни вíться, а кóнчику быть. Щенки спáли час, спáли два. В концé концóв про-снúлись.

«Я есть хочú!» — жáлуется Пúцек.

«Ты всегдá хочешь!» — заворчáл Рекс.

«А ты рáзве не хочешь есть?»

«Поестъ-то и я бы не прочь...—признаётся Рекс. — А дóма сейчáс, навёрно, ўжинают...»

«Так пошли́ домóй!» — предлагáет Пúцек.

«Пошли́! — соглашáет-ся Рекс. — Вылезáй!»

«Ты пёрвый», — говорíт Пúцек, не совсём пони-мáвший, как вы́лезти.

«Ну, смотри́! Учíсь, как нáдо вылезáть!» — гордо говорíт Рéкса и начинаёт карáбкаться на сéно.

Но, увы́, он тóтчас же съезжáет вниз.

«Чтó-то у тебá плóхо получáется», — ехíдничает Пúцек.

«Стáнь-ка тут, я по те-бé влэзу!» — командует Рекс.

«А меня так и бросишь?»

Рекс презрительно смóтрит на приятеля:

«Не я, что ли, втащил тебя на стог?»

Пúцек послушно становится туда, где ему велел стать Рёкся. Но, увь, напрáсно он вставáл на цыпочки, пружинил спину: едва ступив на сено, Рекс скáтывался обратно.

«Что же бóдет?» — всхлípнул наконец Пúцек.

На éтот раз и Рёкся не смог сказáть ничегó ободряющего.

Стыдно мне рассказывать, но, когда стемнело, из стога нёсся такой плач, что слышно было в дальнем конце сада.

— Кто это там вóет? — спрашиваю я Катерину.

— А кто ж его зnáет? Мóжет, «нечистый»? — шéпчет она и náбожно крéстится.

— А Рёкся и Пúцек дóма?

— Совсём недáвно видела их в саду. Да рáзве за ними усмóтришь? Болтаются гдé-нибудь!

«Ну, — дúмаю, — не иначе как они! Забрались куда-нибудь и вьлезти не мóгут!»

Вьтащил я дружкóв из сена. Вид у них был неважный. Мórды были такие несчастные и перепуганные, что я не знал, плакать или смеяться, на них глядя.

Я было хотел простить им простúпок, на котóрый жаловалась Катерина. Она утвержда́ла, что у одной уточки, порóдистой уточки, привезённой за тридeвять

земель, полóмана ла́пка, и обвиня́ла в э́том преступле́нии Пу́цека.

О прощёнии она́ не хоте́ла и слы́шать:

— Не бу́дет поря́дка в до́ме, пока́ вы бу́дете все́ э́тим безобра́зникам проща́ть! Или есть справедли́вость, и́ли нет её! Челове́к тут надрыва́ется на рабо́те, а толк како́й? Ты одно́, а оні друго́е! Все́, все́ им мо́жно, озорника́м несча́стным! — кипяти́лась она́. — Или наведе́те вы с ни́ми поря́док, и́ли но́ги моёй не бу́дет в э́том до́ме! Тут соба́ке бо́льше уваже́ния, чем челове́ку! — кри́кнула она́ напоследок, сбросила пе́рёдник и хвата́ла ведро́м о́земь.

Ну что ж, справедли́вость так справедли́вость! А так как я был убежде́н, что е́сли Пу́цек что и натвори́л, то не ина́че, как по наущению́ Ре́ксика, то пригово́рил обо́их дружка́в к дома́шнему аре́сту.

Весь день просиде́ли щеня́та взаперти́, в чула́не.

То́лько подня́вшись на за́дние но́ги, могли́ ўзники вы́глянуть в щёлку, поглядё́ть, что твори́тся на бе́лом све́те.

Ви́дите, како́й у них гру́стный, приши́бленный вид? Полюбу́йтесь.

А е́сли хоте́те, я вам ка́к-нибудь ещё́ расскажу́ об э́тих собачо́нках. Потому́ что — до́лжен вам при́знаться — люблю́ я э́тих безобра́зников. Мо́жет быть, как раз за то, что хоть оні и растя́пы, но у них так мно́го вы́думки и изобре́тательности!

СОДЕРЖАНИЕ

Мётка	3
Крушёнка	12
Гусыня Малгося	20
Жаба	32
Чёрный петух	40
Друзья	48
Муц, безногий воробей	56
Университет на ясене	62
Рекся и Пуцек (<i>Повесть о щенячьих проказах</i>)	70

Для начальной школы

Грабовский Ян

РЕКСЯ И ПУЦЕК

Ответственный редактор *А. И. Моисеева*, Художественный редактор

Н. Г. Холодовская, Технический редактор *С. К. Пушкова*,

Корректоры *Т. П. Лейзерович* и *В. К. Мирингоф*.

Подписано к печати 23/VII 1958 г. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$ — 6 печ. л. = 5,48 усл. печ. л.

(4,41 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. Цена 2 р. 55 к.

Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Цена 2 р. 55 к.